

Даниела СТИЛ

РОМАН О БОРЬБЕ ЗА СЧАСТЬЕ

УДАР МОЛНИИ

Даниэла Стил Удар молнии

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122990
Стил, Даниэла. Удар молнии: Издательство «Э»; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-85025-9*

Аннотация

У Алекс Паркер есть все, о чем другие только мечтают: красота, ум, хорошая работа, любящий муж и красавица дочка. Каждый день она просыпается с мыслью о том, что жизнь – сбывшаяся мечта, пока однажды визит к врачу навсегда не меняет ее мир. Страшный диагноз, словно удар молнии, вдребезги разбивает благополучие женщины. Но Алекс не привыкла сдаваться! Оставшись один на один со своей болезнью, она решает бороться, чтобы однажды снова почувствовать себя счастливой!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Даниэла Стил

Удар молнии

*Посвящается Попи,
моей первой удаче, второй и единственной.
Пусть жизнь будет для тебя только в радость.
Благословляю тебя!*

*От всего сердца и с огромной любовью.
Вечно твоя, Олив*

Danielle Steel

LIGHTNING

Copyright © 2000 by Danielle Steel

© Рапопорт И., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

Глава 1

В зале для совещаний стоял гул от множества голосов. Адвокат Александра Паркер, с наслаждением вытянув длинные ноги под массивным столом из красного дерева, черкнула несколько строк на желтых листах своей записной книжки и выразительно посмотрела на сидевшего напротив коллегу – Мэтью Биллингса. Мэтью старше Алекс лет на двенадцать – ему еще не исполнилось шестидесяти, один из самых уважаемых партнеров фирмы. Этот человек вполне мог сам со всем справиться, но периодически приглашал Алекс на дачу свидетельских показаний: ему нравилось, насколько нестандартно она мыслит, он восхищался ее стилем и способностью молниеносно находить слабые места в защите противника. Стоило Алекс заметить брешь, как ее логика становилась безжалостной. Казалось, она чисто инстинктивно знала, где именно оппонент оступится.

Алекс улыбнулась Мэтью, и тот с удовольствием ответил на улыбку: только что у них появилась зацепка. Оппонент произнес фразу, которая противоречила сказанному ранее. Алекс передала Мэтью записку, и тот, озабоченно нахмурившись, кивнул.

Дело, на рассмотрении которого они присутствовали, было запутанным, процесс по нему длился несколько лет, причем слушание добиралось до Верховного суда Нью-Йорка уже два раза. Речь шла о нарушении правил хранения высокотоксичных химикатов в одной из крупнейших корпораций страны. Коллективный иск на сумму в несколько миллионов долларов подали против корпорации более двухсот семей из Поукипси. Дело передали на рассмотрение «Бартлетт и Паскин» пару лет назад – как раз после того, как Алекс стала одним из партнеров в этой фирме.

Александра Паркер предпочитала не столь масштабные дела: на процессе с двумя сотнями истцов она чувствовала себя не в своей тарелке. Тем не менее она и еще три десятка адвокатов под руководством Мэтью участвовали в разбирательстве. Как и все они, Александра Паркер была судебным юристом и могла похвастаться довольно интересной коллекцией самых запутанных случаев. Хотя чаще всего руководство фирмы выбирало Алекс, если предстояло распутать дела, требующие кропотливой работы. Когда нужен был человек, превосходно разбирающийся в законодательстве и готовый не один день корпеть над делом.

Настоящим асом Алекс была в случаях нарушения трудового законодательства и в делах, связанных с клеветой. Она уже выиграла много дел, среди которых, впрочем, были и процессы, навязанные начальством. Настоящий профессионал своего дела, Алекс всегда усердно выполняла свою работу. Которую к тому же очень любила.

Когда адвокат, представлявший компанию по производству химикатов, вместе со свитой помощников удалился из зала, Мэтью подошел к Алекс и заговорил о деле.

– Ну что скажешь? – спросил он. Мэтью всегда внимательно прислушивался к ее мнению, ведь Алекс была не только замечательным специалистом, но и очень проницательным человеком. К тому же он искренне считал ее одной из самых привлекательных женщин, с которыми когда-либо был знаком, и ему было приятно даже просто находиться рядом с ней.

– По-моему, Мэтт, это именно то, что нам нужно. Он явно соврал, когда сказал, что никто не знал о возможных побочных эффектах. Первый раз за весь процесс это прозвучало четко и недвусмысленно. А у нас есть правительственное заключение полугодовой давности.

– Точно, – просиял Мэтью. – Глупенький – сам себя загнал в ловушку!

– Именно. Думаю, дальше ты здесь справишься и без меня. Он на крючке, – Алекс убрала блокнот в дипломат и взглянула на часы. Половина двенадцатого. Перерыв на ланч будет через полчаса. Но если уйти сейчас, она успеет сделать гораздо больше дел в офисе.

– Спасибо, что пришла. Хорошо, когда ты в деле: твой невинный вид сбивает их с толку. Пока оппонент пялится на твои ноги, его легко застать врасплох. Раз – и готово!

Алекс уже привыкла к постоянным подтруниваниям со стороны Мэтью.

– Благодарю за комплимент, – вежливо улыбнулась она. Она знала, Мэтью не преувеличивает. Внешность у Алекс эффектная, а сейчас она и впрямь выглядит просто ослепительно: ярко-рыжие волосы собраны в тугий пучок, на лице – минимум макияжа. Строгий черный костюм резко контрастирует с ярко-зелеными глазами. – Ты же понимаешь, я для того и закончила юридический, чтобы ловить на живца!

– Черт возьми, если у тебя это так хорошо получается, почему бы и нет! – издевательски хихикнул Мэтт. Тем временем один из адвокатов ответчика вернулся в зал, и они с Алекс сразу перешли на полусшепот.

– Я могу идти? – осторожно поинтересовалась Алекс. В конце концов, Мэтт один из главных сотрудников фирмы – у кого еще отпрашиваться, как не у него? – Встречаюсь с новым клиентом в час дня, а еще у меня штук двадцать дел, с которыми нужно ознакомиться.

– Знаешь, что мне в тебе не нравится? – притворно-недовольным тоном протянул Мэтью. – Усердия тебе не хватает, вот что. Ты такая лентяйка! Ладно, кроме шуток – иди трудись. Тут твоя помощь уже не нужна. – Он подмигнул ей и после паузы искренне добавил: – Спасибо, Алекс.

Перед тем как уйти, Алекс деловым тоном произнесла:

– Я попрошу напечатать мои записи и отправить тебе в офис.

Мэтт точно знал: когда он вернется в свой кабинет, ее четкие и обстоятельные заметки уже будут лежать на его столе. Алекс Паркер – настоящий профессионал своего дела. И настоящая красавица. Хотя сама Алекс, похоже, вообще не придает значения тому, насколько привлекательно выглядит, и не стремится подчеркнуть свою красоту. Именно за это все ее так и уважают.

Помахав Мэтту рукой, Алекс Паркер тихо вышла из зала. Перерыв закончился, и один из вернувшихся адвокатов окинул ее взглядом, полным восхищения. Проиgnорировав его, она быстро пересекла холл и, пройдя через несколько коридоров, оказалась в своем кабинете.

Для более чем двухсот своих сотрудников компания «Бартлетт и Паскин» арендовала целых восемь этажей в одном из новеньких небоскребов. Просторный офис Алекс располагался на двадцать девятом. Он был выполнен в светло-серых оттенках и обставлен кожаной мебелью в тон. Довершали обстановку несколько картин и фотографий на стенах. На подоконнике красовался большой цветок в горшке, а из окна открывался великолепный вид на Парк-авеню.

В «Бартлетт и Паскин» ей нравилось намного больше, чем в более крупной адвокатской конторе на Уолл-стрит, в которой она работала какое-то время после окончания юридического колледжа. На своей первой работе Алекс занималась антитрестовскими исками и терпеть их не могла – подобные дела казались ей слишком скучными. Ради справедливости стоит, однако, заметить, что именно на этой работе она научилась придавать большое значение деталям и тщательно изучать факты.

Войдя в офис, Алекс подошла к столу и, присаживаясь, бросила взгляд на корреспонденцию. Два письма – от клиентов, а остальные четыре – от коллег-адвокатов. У Алекс уже были готовы данные по трем процессам, еще шесть исков в разработке. Плюс ко всему, только что ей поручили два новых запутанных дела. Впрочем, Алекс давно привыкла к подобному объему работы, ей нравились быстрый темп, напряжение и ажиотаж, царившие в «Бартлетт и Паскин». Собственно, на протяжении длительного времени именно работа и мешала Алекс завести детей – она просто не была уверена, что в ее и без того насыщенной жизни найдется место для ребенка и что она сможет любить его так же сильно, как свою работу. А уж быть адвокатом Алекс обожала и с нетерпением ждала каждой новой возмож-

ности выступить в суде. В основном она выступала в качестве защитника. Алекс любила сложные процессы – она считала своей главной целью освободить своих подзащитных от бесполезного хождения по судебным инстанциям.

Помимо работы, место в жизни Алекс нашлось лишь для Сэма – ее лучшего на свете мужа. Который, впрочем, трудился на своем поприще с такой же самоотдачей – с той только разницей, что поприщем этим была не юриспруденция, а венчурные инвестиции. Он работал в одной из самых известных компаний – устроился туда, еще когда фирма только набирала обороты, а перспективы открывались прекрасные. Сэм любил и умел рисковать. За вычетом пары неудач, почти все его сделки были прибыльными. Что касалось финансовой стороны, Алекс и Сэм в целом зарабатывали неплохо. Главное же достоинство Сэма Паркера – железная репутация. Он прекрасно разбирался в инвестициях и не боялся идти на риск. И почти все его сделки были прибыльными. Доходы Сэма были настолько крупными, что в какой-то момент его стали называть единственным специалистом, способным помочь склотить состояние на венчурных инвестициях. Двадцать лет в венчурном бизнесе не проходят даром, и теперь Сэм обладал обширным опытом, поэтому редко проигрывал и не боялся вкладывать деньги в, казалось бы, рискованные предприятия. Последние лет пятнадцать его операции в основном касались компьютерного бизнеса – он вложил огромные деньги в японские предприятия, успешно сотрудничал с немцами, а вклады его клиентов находились в лучших американских банках. Финансовые воротилы с Уолл-стрит признавали – Сэм Паркер знает, что делает.

И Алекс тоже знала, что делает, когда согласилась выйти за него замуж. Они познакомились вскоре после того, как Алекс окончила колледж. Это произошло на рождественской вечеринке на ее первом месте работы. Сэм явился на празднество в компании трех друзей. Высокий и красивый, в темно-синем костюме, с черными, чуть тронутыми ранней сединой волосами и покрасневшимся от мороза лицом, Сэм выглядел неотразимо – от одного его мимолетного взгляда у Алекс захватило дух. Ей было двадцать пять, ему – тридцать два.

Уже в тот вечер они обратили друг на друга внимание, но этим все и закончилось. И только через полгода, когда фирма Сэма консультировала компанию Алекс по сделке, которую они совместно заключали в Калифорнии, Алекс и Сэм снова встретились. Там Алекс в него и влюбилась – Сэм показался ей весьма находчивым, умным и уверенным в себе. Казалось, он ничего и никого не боялся. Его смех был заразителен. Он с невероятной легкостью принимал судьбоносные решения – шел на риск, при этом просчитав все варианты. Алекс поняла, что Сэм – человек цельный, очень умный и, что встречается особенно редко, бесстрашный.

Сэм тоже пришел в восторг от привлекательной юристки. Его покорило умение Алекс всесторонне анализировать ситуацию, оценивать все параметры и искать информацию обо всех рискованных моментах и благоприятных обстоятельствах. Вместе они разработали внушительный пакет предложений для клиентов. Сделка состоялась, деятельность компании начала приносить стабильный доход, и через пять лет новые владельцы выложили за нее астрономическую сумму. Когда Алекс и Сэм познакомились, Сэма уже считали юным гением Уолл-стрит. Алекс тоже успела хорошо зарекомендовать себя.

Карьерная стезя Сэма предполагала определенный образ жизни, ему были по душе роскошь и аура власти, окружающие его клиентов. Он стремился жить по правилам высшего общества и наслаждался общением с его представителями. Так, на свое первое свидание с Алекс он одолжил у одного из богатых приятелей частный самолет, и они отправились в Лос-Анджелес на чемпионат по бейсболу. Сэм снял два отдельных номера в фешенебельном отеле «Bel-Air»¹, а ужинали они с Алекс в «Chasen's» и «L'Orangerie»².

¹ Один из десяти отелей класса люкс, принадлежащих корпорации Dorchester Collection, владельцем которой является

– Ты за всеми своими женщинами так ухаживаешь? – поинтересовалась Алекс, удивленная подобными знаками внимания. Теперь она уже испытывала к Сэму нечто большее, чем просто восхищение. Вообще ее личная жизнь складывалась не слишком удачно. В последнее время она не могла найти ни минуты на отношения. Последний раз она встречалась с молодым человеком во время учебы в Университете Йеля – это был ее однокурсник, и все было довольно серьезно, но перед последним курсом они разбежались. Теперь он уже давно был женат. Потом, во время учебы в юридическом колледже, Алекс время от времени ходила на свидания, но все это для нее ничего не значило. Ее гораздо больше интересовала карьера – Алекс хотела добиться успеха и стать лучшим адвокатом в своей компании. И тут в ее жизни появился Сэм, такой эффектный, такой решительный и сильный. Он просто не вписывался в окружающую ее действительность. Алекс с легкостью могла представить себя женой кого-нибудь из сотрудников, окончивших, скажем, юридический колледж при Университете Йеля, или тот же Гарвард, как и она, – спокойных и разумных мужчин, сотрудников адвокатских контор на Уолл-стрит. Сэм Паркер же скорее напоминал ковбоя с Дикого Запада. Но он был очарователен, обходителен, и Алекс просто таяла рядом с ним. Да и какая другая женщина устояла бы перед Сэмом – остроумным, эффектным, обладающим прекрасным чувством юмора?

Перед отъездом из Лос-Анджелеса Сэм отвез Алекс в Малибу, и они долго гуляли по пляжу, беседуя о родных, о жизни, о будущем. Сэм столько всего пережил: как бы невзначай он упомянул, что его мать умерла, когда ему было четырнадцать, и отец тут же отослал его в пансион, потому что не знал, что с ним делать. При этом Алекс заметила, как он непроизвольно напрягся. Сэм рассказал, как нелегко было жить и учиться в этом пансионе, найти общий язык со сверстниками, как сильно он скучал по родителям. За время его учебы Паркер-старший совсем спился, промотал все состояние и умер в тот год, когда Сэм заканчивал школу. Сэм не сказал, от чего. Так как после отца не осталось ни цента, учебу в колледже он оплачивал на те небольшие деньги, которые достались в наследство от бабушки и дедушки. Он с отличием окончил Гарвард. Сэм не говорил, что в колледже ему было одиноко, а, напротив, с радостью вспомнил веселую студенческую пору, но Алекс понимала, что тяжело к семнадцати годам потерять всех своих родных. Но, похоже, он справился с этим испытанием.

Окончив университет, Сэм поступил в Гарвардский бизнес-колледж. Тогда-то он и нашел свое призвание – венчурные сделки. Буквально в день вручения дипломов он получил работу и в течение восьми последующих лет разбогател сам и помог разбогатеть нескольким клиентам.

– Разве в твоей жизни нет ничего, кроме венчурных сделок и Уолл-стрит? – заглянула Алекс в его глаза. Они брели по пляжу, любясь закатом.

Она хотела узнать о нем как можно больше. Эти выходные стали самыми прекрасными в ее жизни – а ведь между ними с Сэмом еще даже ничего не произошло. Алекс засыпала Сэма вопросами, ведь она знала, что скоро их пути разойдутся, каждый вернется к своим обычным делам.

– А что, в жизни есть что-то еще, кроме Уолл-стрит? – улыбнулся Сэм, обняв ее. – Не слышал! Расскажи мне, Алекс.

Он остановился и внимательно посмотрел на нее. К этому моменту он уже влюбился в Алекс, но боялся это показать. Длинные рыжие волосы его спутницы развеивал ветер; без-

компания Brunei Investment Agency.

² Рестораны высшей категории в Западном Голливуде, клиентами которых часто являются знаменитости и персонажи светской хроники.

донные зеленые глаза встретились с его глазами, и в груди его затрепетало – никогда раньше Сэм не испытывал ничего подобного, и это его пугало.

– А как же друзья? Девушки? – спросила Алекс. Она знала, что Сэм не женат. Но, судя по его неотразимой внешности и образу жизни, недостатка в женщинах он явно не испытывал.

– О, на это совсем нет времени, – притворно серьезным голосом произнес Сэм, еще крепче обняв Алекс. Они продолжили прогулку. – Я слишком занят.

– А, то есть на игру в важную шишку время у тебя есть? – многозначительно улыбнулась Алекс. И тут же испугалась: а вдруг у Сэма непомерное самомнение? Но успокоилась: со стороны так не казалось, хотя поводов гордиться собой у него предостаточно.

– Какую еще важную шишку? Никакая я не шишка, я просто стараюсь хорошо проводить время, – голос Сэма прозвучал так, как будто его не задело замечание Алекс.

– Тебя знают буквально все, – со знанием дела ответила она, – даже здесь, в Лос-Анджелесе. И в Нью-Йорке, и в Токио. И наверняка много где еще, так ведь? Париж? Лондон? Рим? Получается, ты личность масштабная.

– Да брось. Просто я много работаю, вот и все. Как и ты, – улыбнулся Сэм, пожав плечами. Однако оба знали, что на самом деле у него гораздо больше достижений.

– Только вот у моих клиентов нет личных самолетов, и в Калифорнию они на выходные не ездят, Сэм. Самые успешные приезжают ко мне на такси. Остальные пользуются подземкой, – хмыкнула Алекс, и Сэм рассмеялся:

– Ладно, значит, моим повезло больше. И мне самому, наверное, тоже. Хотя не может же вечно везти. Возьми хоть моего отца.

– Ты боишься, что и с тобой случится то же самое? Боишься все потерять?

– Наверное. Но он был такой дурак. Человек замечательный, но полный дурак. Я думаю, что все это из-за маминой смерти – папа просто сдался, потерял свою хватку, вел себя, как будто это его болезнь подкосила. Он так любил маму, что не выдержал. Ее смерть стала началом его конца.

Сэм уже давно сказал себе, что никогда не допустит ничего подобного – никого не полюбит настолько, чтобы его жизнь так зависела от любимого человека.

– Сколько же ты пережил, – с сочувствием сказала Алекс. – Ведь ты был совсем ребенком.

– Когда у тебя никого не остается, быстро взрослеешь, – ответил Сэм с грустной улыбкой, – или же не взрослеешь вообще. Друзья говорят, что я до сих пор ребенок. Мне это в общем-то нравится. Благодаря этому я умею не быть слишком серьезным. Никогда нельзя относиться к жизни слишком серьезно. Иначе перестаешь получать от нее удовольствие.

С этим Алекс не могла согласиться, потому что относилась серьезно и к работе, и к жизни. Ее родители уже тоже умерли, но все было более прозаично, чем в случае Сэма. Алекс это даже подстегнуло – она собрала волю в кулак и отнеслась ко всему более ответственно. Ей пришлось резко повзрослеть, серьезно задуматься о будущем, больше работать. Она словно чувствовала, что должна оправдать ожидания родителей, даже несмотря на то, что их уже нет рядом. Ее отец был адвокатом и очень обрадовался, когда она поступила в юридический колледж, теперь Алекс хотела стать первоклассным юристом – ради папы, пусть он этого и не увидит.

Оба они – и Алекс, и Сэм – были единственными детьми; перед обоими открывались большие перспективы в карьере, оба имели множество друзей, которые в какой-то степени заменили им родных. Алекс, правда, часто общалась с друзьями своих родителей и приятелями по колледжу, которые уже все обзавелись семьями. Друзьями же Сэма были главным образом холостяки – его коллеги по работе, клиенты или женщины, с которыми он когда-то встречался.

На том пляже в Малибу Сэм впервые поцеловал Алекс, а на обратном пути в Нью-Йорк большую часть времени проспал у нее на плече. Глядя на Сэма, такого молодого, что он казался ей совсем мальчишкой, Алекс поймала себя на мысли, что он очень ей нравится. Даже слишком сильно. Интересно, он хотя бы позвонит? Их отношения только начинаются, или они уже закончились? К тому же Сэм признался, что у него сейчас есть подружка – начинающая бродвейская актриса.

– Как же так получилось, что в Лос-Анджелес ты полетел не с ней, а со мной? – слегка смутившись, но, тем не менее, прямо спросила Алекс. Она никогда не боялась задавать откровенные вопросы.

– Она занята, – так же честно ответил Сэм, – к тому же я подумал, что с тобой мне будет интереснее.

Несколько мгновений стояла тишина. Потом он улыбнулся настолько искренне и тепло, что сердце Алекс забилось сильнее.

– Честно говоря, – продолжал он, – я ее даже и не приглашал. В выходные у нее репетиции, а бейсбол она терпеть не может. Мне очень хотелось поехать именно с тобой.

– Почему? – спросила Алекс. Она и не подозревала, насколько прекрасна в тот момент.

– Ты самая умная девушка, которую я когда-либо встречал. С тобой есть о чем поговорить. Ты яркая, интересная и, сказать прямо, очень красивая, – снова улыбнулся Сэм.

Проводив Алекс до дверей ее дома, Сэм поцеловал ее на прощание. Быстрым, ни к чему не обязывающим поцелуем. Через мгновение такси уже скрылось из виду, и, поднимаясь в свою квартиру, Алекс почувствовала, что в душе зреет досада. Это было странное чувство. Она прекрасно провела время, но то, как Сэм торопился к своей актриске, ее расстроило. Алекс понимала, что проведенные вместе выходные для него – всего лишь еще один приятный уик-энд. В жизни Сэма Паркера вряд ли найдется место для Алекс Эндрюс.

Однако на следующий день на работе ее ждал небольшой букет красных роз. А ближе к вечеру Сэм позвонил и пригласил на ужин, чем развеял все сомнения. Их роман был настолько страстным, что Алекс с трудом удавалось сосредоточиться на своей работе.

Сэм сделал ей предложение в День святого Валентина, почти четыре месяца спустя после того памятного уик-энда в Малибу. Алекс было двадцать шесть, Сэму – тридцать три. Они поженились в июне – венчание прошло в маленькой церкви в Саутгемптоне, приглашение получили только самые близкие друзья, которые создали столь необходимую для этого торжественного дня атмосферу тепла и праздника. Медовый месяц молодожены провели в Европе. Сэм выбирал самые прекрасные гостиницы, о которых Алекс раньше могла лишь мечтать. Вначале был Париж, затем – Монако. На выходные Алекс и Сэм отправились в Сен-Тропе. Там у Сэма жил клиент, который встречался с местной кинозвездой – он пригласил их на вечеринку на собственной яхте, – они совершили круиз в Италию и обратно.

Посетив Сан-Ремо, Тоскану, Венецию, Флоренцию и Рим, они съездили в Афины к еще одному клиенту Сэма, а потом отправились в Лондон, где ужинали в «Annabel's» и других его любимых ресторанах и ночных клубах. В витринах «Garrard's» Алекс разглядывала антиквариат и дорогие украшения. Затем Сэм отвел ее в Челси, где они купили кучу нарядов. «Понятия не имею, куда все это надеть, не на работу же!» – пожурила Алекс мужа. Иными словами, медовый месяц удался на славу. По возвращении в Нью-Йорк они поселились в квартире Сэма. Впрочем, Алекс и до свадьбы жила у него, но своя квартира у нее оставалась.

Ради Сэма Алекс научилась готовить. Муж покупал ей одежду лучших дизайнеров, а на тридцатилетие подарил изысканное в своей простоте бриллиантовое ожерелье. Сэм мог выполнить любой каприз Алекс, но у нее не было каких-то особых потребностей. Ей нравилась ее жизнь с Сэмом, она считала его не только прекрасным мужем, но и другом. Кроме того, Алекс нравилось его страстное отношение к работе. Как-то раз Сэм спросил, не оста-

вит ли она на время свою работу, если у них будут дети, но Алекс посмотрела на него, как на сумасшедшего.

– Хорошо, понял, работай на здоровье, только давай все-таки заведем ребенка, – с улыбкой намекнул Сэм. К тому моменту они были женаты уже шесть лет. Сэму исполнилось тридцать девять, и он все чаще говорил, что хочет ребенка. Разумеется, их жизнь изменилась бы с появлением наследника, но даже такая перспектива ему нравилась гораздо больше, чем брак без детей. И все же Алекс сказала, что пока не готова:

– Мне трудно представить, как жить с существом, которое полностью от меня зависит. Я же все время провожу на работе, мы с ребенком почти не будем видеться. И я не смогу его как следует воспитать – мне просто будет стыдно.

– Может, тебе тогда стоит немного снизить темп? – предложил Сэм, зная, впрочем, что эта затея обречена на провал. Знала это и Алекс:

– Честно? Нет. Не представляю, как можно быть юристом с частичной занятостью.

Алекс не нужно было далеко идти за примером: некоторые из ее коллег пытались, но это было слишком тяжелым испытанием. В итоге они либо работали не покладая рук, а детей воспитывали няни, либо совсем отказывались от работы. Ни та ни другая ситуация ее не устраивала.

– Ты хочешь сказать, что у нас вообще не будет ребенка? – расстроился Сэм. Алекс в первый раз серьезно задумалась над этим. И не смогла ответить ни «да», ни «нет». В конце концов они пришли к компромиссу: не сейчас.

Вопрос о детях снова встал, когда Алекс исполнилось тридцать пять. К этому моменту все их знакомые уже обзавелись детьми. За девять лет семейной жизни Паркеры привыкли к определенному ритму событий. Алекс уже стала одним из партнеров в «Бартлетт и Паскин», а Сэм – звездой Уолл-стрит. Каникулы они проводили во Франции, а на выходные летали в Калифорнию. Кроме того, иногда Сэм ездил в командировки в Токио и страны Персидского залива. Карьера Алекс тоже развивалась так, как она планировала. И они по-прежнему не могли найти время для ребенка.

– Ты знаешь, я иногда чувствую себя такой виноватой, как будто во мне что-то не так. Не могу объяснить, но ребенок – это не для меня. По крайней мере сейчас, – призналась Алекс как-то раз, и они с мужем отложили разговор о наследнике еще на три года.

Когда Алекс было уже тридцать восемь, а Сэму – сорок пять, у нее появились первые признаки климакса. Алекс поняла, что больше тянуть время нельзя. Кроме того, одна из ее коллег недавно родила, и Алекс пришла в восторг от ее крохи. К тому же она видела, что знакомая прекрасно справляется и с воспитанием младенца, и с работой. Алекс серьезно задумалась о том, чтобы стать матерью.

Но теперь пошел на попятную Сэм, выяснилось, что он не может представить себя отцом и что менять что-либо после двенадцати лет супружества уже поздно. Сэма вполне устраивало нынешнее положение вещей и возможность жить только для собственного удовольствия. Алекс тоже очень легко отбросила мысль о ребенке, как только Сэм поделился с ней своими соображениями. Обоим стало ясно, что они просто не созданы быть родителями. Вскоре после этого разговора на Алекс свалилось очень сложное дело, и мысли о детях испарились полностью.

Однако через четыре месяца, когда они вернулись из Индии – Алекс никогда раньше там не бывала, и Сэм сделал жене подарок, – ей показалось, что она подхватила какую-то страшную болезнь. Алекс жутко перепугалась и отправилась к врачу, потому что никогда в жизни еще не чувствовала себя настолько плохо. Но реальный диагноз испугал ее намного больше – беременность. С мрачным лицом она сообщила эту новость мужу. После того последнего разговора они решили навсегда расстаться с мыслями о потомстве. И теперь ошарашенно глядели друг на друга.

– Ты уверена? – спросил Сэм дрожащим голосом.

– Абсолютно, – пискнула Алекс.

Это была ее первая беременность. И теперь она поняла то, чего раньше никогда до конца не осознавала, – ей совершенно не хотелось иметь детей.

– Это точно не холера, малярия или что-нибудь в этом роде? – с надеждой спросил Сэм. Даже почти смертельная болезнь была бы для них обоих предпочтительнее, чем беременность.

– Врач сказал, что я на шестой неделе. – Задержка началась еще в поездке, но Алекс решила, что все это из-за жары, или так действует прививка от малярии, или просто сказались тяготы путешествия. Никогда еще Алекс не выглядела настолько несчастной: – Я слишком стара для этого, Сэм. Я не хочу. Более того – я просто не смогу.

Ее слова удивили Сэма. Но он почувствовал и некоторое облегчение, потому что тоже не хотел ребенка.

– Что будешь делать? – осторожно спросил он.

– А что-то можно сделать? Не думаю. Сделать, ну, в общем, ты понял, что, – это так гадко и мерзко. И не то чтобы мы не могли себе позволить ребенка. Просто мне кажется, у меня не хватит на него ни времени, ни – нет, не сил, а как бы сказать поточнее, – тщательно подбирала слова Алекс. – Знаешь, я просто не уверена, что нам нужен ребенок. После нашего последнего разговора о детях я поняла, что дело именно во мне. И я думала, вопрос решен. Мы так счастливы вдвоем, а теперь бац! И я беременна.

Сэм уныло усмехнулся:

– Ирония судьбы, да? Мы уже отказались от идеи завести ребенка, и тут ты вдруг узнаешь, что беременна. Все-таки жизнь – штука совершенно непредсказуемая. – Он обожал повторять эту фразу, и на этот раз она звучала, как никогда, уместно. – Так что мы решим?

– Я не знаю, – разрыдалась Алекс. Она не хотела делать аборт, но и оставлять ребенка желанием не горела. Промучившись две недели, терзаясь угрызениями совести, Сэм и Алекс все-таки решили сохранить ребенка. Алекс сочла, что с точки зрения морали они не имеют права выбирать, и Сэм согласился с нею. Паркеры попытались посмотреть на проблему философски, но никакого энтузиазма у них не возникло: Алекс впадала в депрессию при одной мысли о ребенке, а Сэм, казалось, нарочно старался о нем не думать вообще. Если они и говорили о ее интересном положении, то так, словно о неизлечимой болезни. Рождение ребенка не было для них поводом для радости, лишь чем-то, чему они уже не могли помешать. Алекс и Сэм с ужасом думали о том, через что им придется пройти.

Четыре недели спустя Алекс вернулась с работы раньше обычного. Ее рвало, а от боли в животе она не могла держаться на ногах. Швейцар помог ей выбраться из такси. Он принес ее кейс. «Миссис Паркер, вам плохо?» – с беспокойством спросил он. Алекс заверила, что чувствует себя превосходно, хотя была блее мела. Превозмогая боль, она дошла от лифта до дверей своей квартиры. Через полчаса у Алекс открылось сильнейшее кровотечение. По счастью, когда она почти уже потеряла сознание, ее обнаружила домработница, которая пришла убрать квартиру. Она привезла Алекс в больницу и позвонила Сэму. К его приезду Алекс уже была на операционном столе. Все усилия врачей оказались напрасными – ребенка спасти не удалось.

И Алекс, и Сэму казалось, что после этого должно стать легче, ведь проблема исчезла сама собой. Но как только Алекс очнулась от наркоза и расплакалась, оба поняли, что пережить все это будет трудно. Паркеры были удручены горем. Теперь их мучила совесть. На Алекс вдруг нахлынули все чувства по отношению к их неродившемуся ребенку, которые она так старательно подавляла – любовь, страх, стыд, сожаление и горечь утраты. Это был худший момент в ее жизни, но теперь она узнала о себе что-то, о чем раньше и не подозревала. Теперь Алекс хотела лишь одного – ребенка. Чтобы заполнить жуткую душевную

пустоту. И Сэм тоже хотел ребенка. Они оба очень сильно сожалели. Через неделю Алекс вернулась на работу, но чувствовала, что так и не отошла от потрясения.

На несколько дней уехав из Нью-Йорка, чтобы как следует все обсудить, Паркеры сошлись во мнении, что стоит снова попробовать завести ребенка. Была ли это лишь реакция на произошедшее или нет, они не знали, но оба чувствовали, что в их жизни что-то изменилось. Теперь оба мечтали стали родителями.

Сэму и Алекс показалось разумным подождать несколько месяцев, чтобы проверить, сохранится ли желание иметь ребенка. Но не смогли: через два месяца после выкидыша Алекс с плохо скрываемой радостью сообщила Сэму, что снова беременна.

В отличие от прошлого раза, эта новость вознесла обоих на седьмое небо от счастья. Впрочем, на вещи Паркеры смотрели трезво: риск выкидыша или того, что младенец родится недоношенным, остается. Алекс тридцать восемь лет, и до этого она ни разу не рожала. Однако здоровье у нее отменное, и врач заверил, что все будет хорошо.

– Мы просто сумасшедшие, вот что я тебе скажу, – задумчиво произнесла Алекс однажды вечером, лежа в постели и поедая печенью «Орео». Вся кровать была в крошках, но Сэм знал, что только это печенью ее желудок еще переносит. – Окончательно свихнулись! Еще четыре месяца назад от одной мысли, что у нас будет ребенок, нам хотелось вешаться, а сейчас мы с тобой уже выбираем имя для малышки. А я выискиваю в журналах дурацкие советы – какие игрушки повесить над кроваткой. Наверное, я с ума сошла, да?

– Может быть, – улыбнулся ей нежно Сэм. – В любом случае мне все сложнее делить с тобой супружеское ложе – не думал я, что придется терпеть все эти крошки от печенью. Как думаешь, так теперь будет всю беременность – или это всего месяца на три?

Алекс расхохоталась, а Сэм крепко обнял ее. В последнее время они занимались любовью чаще, чем за всю совместную жизнь. Сэм и Алекс считали будущего ребенка частью своей жизни, как будто он уже родился. На УЗИ выяснилось, что у них будет девочка, и они сразу же выбрали для нее имя – Аннабель, в честь их любимого ночного клуба в Лондоне. Алекс всегда любила это имя, для нее и Сэма оно было связано с самыми теплыми воспоминаниями. Новая беременность совершенно не походила на предыдущую: Алекс и Сэм словно усвоили важный урок – как будто кто-то наказал их за равнодушие и враждебность. Теперь они не сомневались ни в чем, а, напротив, с надеждой ждали появления первенца.

Сразу же после Нового года коллеги устроили в честь Алекс вечеринку с подарками. На той же неделе она нехотя ушла в декрет – всего за два дня до предполагаемой даты родов. Она хотела работать до последнего, но смысла корпеть над делами, работу по которым она все равно не успела бы завершить к сроку, не было, и поэтому она отправилась домой – ожидать свое маленькое чудо, как они с Сэмом называли будущего ребенка. Алекс боялась, что сидение дома ей быстро наскучит, однако, погрузившись в хлопоты по обустройству детской, она с удивлением обнаружила, что шитье распашонок и раскладывание пеленок в чистые стопки на пеленальном столе – занятие крайне увлекательное. Железная Алекс, одно появление которой в суде наводило на оппонентов благоговейный ужас, моментально стала другим человеком. Она даже стала опасаться, как бы материнство не помешало ее работе в будущем, – вдруг она утратит строгость или способность сосредотачиваться? Впрочем, теперь Алекс могла думать лишь о ребенке. Она представляла, как будет укачивать, пеленать и кормить дочь. Какой она будет? Будут ли волосы Аннабель огненно-рыжими, как у нее, или черными, как у Сэма, а цвет глаз – голубой или зеленый? Она ждала появления дочери на свет, как после многих лет разлуки ждут встречи со старым добрым другом.

Алекс договорилась, что будет рожать в родильном отделении главной нью-йоркской больницы. Она хотела, чтобы все произошло естественным путем, собираясь смаковать каждое мгновение. Ей исполнилось тридцать девять, и она понимала, что вряд ли решится на второго ребенка, поэтому не собиралась принимать эти роды как должное. Даже Сэм, кото-

рый терпеть не мог больницы, вместе с женой стал посещать занятия по методу Ламаза³ и собирался присутствовать при родах.

Алекс и Сэм ужинали в «Elaine's», когда у нее отошли воды – это произошло спустя три дня после назначенного срока. Сэм тут же отвез жену в больницу, но ее не приняли, потому что сами роды еще не начались. Они действовали по инструкциям врачей. Алекс вздремнула, потом стала ходить по квартире, Сэм тер ей спину, и казалось, что роды будут легкими и приятными. Они легли в постель и рассуждали – как странно, что они созрели для ребенка лишь спустя тринадцать лет после свадьбы. Сэм посмотрел на часы и попытался вычислить, когда же наконец появится ребенок. Вскоре оба уснули. Алекс проснулась от схваток, отправилась в ванную и, как советовали врачи, приняла теплый душ, чтобы понять, останутся схватки или усилятся. Она стояла под душем около получаса, засекая интервалы между схватками, и тут сокращения матки внезапно стали слишком сильными. Алекс с трудом выбралась из ванной и еле добралась до постели, чтобы разбудить крепко спавшего Сэма. Она стала трясти его за плечо, заливаясь слезами от ужаса. Наконец Сэм проснулся. Он вскочил с кровати, как ошпаренный:

– Началось? – Он принялся бегать по комнате в поисках брюк – его сердце громыало в такт. Хотя Сэм помнил, что оставил брюки на спинке стула, он не сразу смог найти их в темноте. Алекс корчилась от боли, вцепившись изо всех сил в его руку.

– Мы не успеем. Ребенок вот-вот родится, – в ужасе повторяла она, сразу забыв обо всем, что изучала на курсах.

– Здесь? Он родится *здесь*? – в ужасе спросил Сэм, не веря в происходящее.

– Не знаю... Я... это... о Господи, Сэм... это ужасно... я не смогу... – шептала Алекс.

– Сможешь, не волнуйся. Врачи дадут тебе лекарства. Не переживай, иди лучше надень что-нибудь, не ехать же в больницу в таком виде.

В конце концов ему пришлось помочь ей одеться. Сэм никогда не видел свою жену в таком состоянии. Было четыре утра. Швейцар вызвал такси. По прибытии в больницу Алекс с трудом смогла пересечь приемный покой, где ее уже ждал врач. Роды проходили без осложнений, и доктор явно был доволен этим, чего нельзя было сказать об Алекс – Сэм никогда бы не подумал, что она способна кричать не своим голосом, требуя наркоза, и впадать в истерическое состояние после каждой схватки. Однако постепенно она успокоилась, и через два часа после прибытия в больницу уже начались потуги. Сэм нежно обнимал жену за плечи, и все, кто находился в комнате, пытались поддержать ее. Казалось, это будет продолжаться вечно, но уже через полчаса рыжеволосая Аннабель появилась на свет и немедленно издала оглушительный крик, а потом вдруг замолчала и посмотрела на Сэма, как будто сама от себя такого не ожидала. По щекам обоих Паркеров потекли слезы радости. Новорожденная смотрела на отца так, словно искала его долгое время и наконец нашла. Затем Аннабель передали матери, и Алекс, переполняемая чувствами, о которых ей раньше и не приходилось мечтать, бережно взяла дочь на руки. Она почувствовала себя полноценной женщиной – как в рассказах других людей, которые она часто слышала, но до того дня не верила. Алекс поразились, насколько скучной была бы ее жизнь, не познай она таинство родов. Уже через час она так освоилась с Аннабель, словно всю жизнь только и делала, что нянчила новорожденных. Сэм беспрестанно шелкал фотоаппаратом, утирая слезы радости, – они с Алекс просто не могли поверить своему счастью. Все это было настоящим чудом, которое они чуть было не упустили. Словно само провидение оказалось к ним благосклонно, закрыв глаза на те глупости, которые Алекс с Сэмом натворили.

³ Метод Ламаза – техника подготовки к родам, разработанная в 1950-х годах французским акушером Фернаном Ламазом в качестве альтернативы медицинскому вмешательству во время родов.

Ночь, которая стала для Аннабель первой, Сэм провел в больнице. Ни он, ни Алекс так и не смогли уснуть, а лишь восхищенно разглядывали Аннабель, по очереди держали ее на руках и возились с пеленками. Сэм смотрел, как его жена нянчится с дочерью, и про себя думал, что за всю жизнь не видел зрелища прекраснее. Рассматривая Аннабель, супруги не сговариваясь решили, что теперь хотят второго ребенка. Трудно поверить, что они чуть было сами себя не лишили такого счастья. Сэм не понимал, как Алекс, только что прошедшая через мучительные роды, может хотеть их повторения, но она была тверда в своем намерении – когда их губы встретились в поцелуе над спящей Аннабель, Алекс сказала:

– Я хочу еще ребенка.

– Да брось, – ответил удивленный, но довольный Сэм, поймав себя на том, что тоже хочет еще одного ребенка. Конечно, Сэм предпочел бы теперь завести сына, но даже если родится еще одна девочка, все равно он будет рад.

Их дочка оказалась настоящим чудом. Сэм не выпускал из рук ее крохотные ножки, а Алекс все время целовала ее маленькие ручки. В первый же день после своего появления на свет юная Аннабель очаровала родителей целиком и полностью. И это очарование не закончилось с возвращением из роддома домой, так что Аннабель купалась в постоянном восхищении со стороны родителей. Сэм старался приходить домой пораньше. Когда Аннабель исполнилось три месяца, Алекс скрепя сердце вернулась к работе. Она хотела и дальше нянчиться с дочерью, но не смогла – ее рабочее расписание было слишком напряженным. Тем не менее она забегала домой во время перерыва на ланч и дала себе слово в те дни, когда нет процессов, покидать офис ровно в пять и работать из дома, после того как Аннабель уснет. По пятницам же она уходила в час – и ничто не могло этому помешать. Возвращаться домой рано по пятницам вскоре вошло у нее в привычку. Забота Сэма и Алекс об Аннабель, их любовь не прошли бесследно – Аннабель искренне обожала родителей. Она была смыслом их жизни, а для нее смыслом существования были папа и мама. Паркеры наняли няню по имени Кармен, однако тот, кто первый приходил с работы, немедленно брал бразды правления в свои руки. Аннабель с нетерпением ждала этого момента – она взвизгивала от восторга, как только видела над колыбелью знакомое лицо.

Кармен нравилось работать у Паркеров. Она считала их прекрасными людьми и очень любила Аннабель. Она гордилась тем, что работает у столь известной пары, и рассказывала всем, как много и плодотворно они трудятся. Имя Сэма постоянно упоминалось в финансовой хронике, а Алекс несколько раз показывали в телевизионных репортажах о тех или иных громких делах. Кармен обожала их смотреть.

Ни Алекс, ни Сэм ни минуты не сомневались, что их дочь – не только самая красивая, но и самая умная маленькая девочка. Первые шаги она сделала в десять с половиной месяцев, вскоре после этого заговорила, а фразами начала разговаривать гораздо раньше, чем большинство детей.

– Она будет юристом, – пошутила Алекс. Девочка действительно была как две капли воды похожа на мать.

Единственное, что печалило Алекс и Сэма, что, к их удивлению, все попытки сделать сестричку или братика для Аннабель успехом не увенчались. Они начали работать над этим, когда Аннабель исполнилось полгода, и в течение целого года планомерно пытались зачать второго ребенка. Алекс исполнилось сорок лет, и она обратилась к специалисту, чтобы проверить, все ли с ней в порядке. Врачи проверили и ее, и Сэма и пришли к выводу, что оба супруга здоровы. Они объяснили, что женщине в сорок один год, чтобы зачать ребенка, может потребоваться больше времени. Чтобы «наладить» овуляцию, доктор посадил Алекс на «Серофен», разновидность прогестерона⁴, и в течение последующих полутора лет она не

⁴ Прогестерон – стероидный гормон желтого тела яичников, необходимый для осуществления всех этапов беременности

переставала пить лекарство, из-за которого чувствовала себя в большем состоянии стресса, чем даже на работе. Алекс и Сэм занимались любовью по расписанию, у них даже был специальный набор, с помощью которого они распознавали пик выделения желтоватого гормона, то есть время, когда вероятность зачатия наиболее высока. Алекс смешивала свою мочу с различными реактивами, и если они окрашивались в голубой цвет, она тут же звонила Сэму на работу, и он сломя голову мчался домой. Про себя они шутливо называли такие дни «голубыми»; не было, однако, никакого сомнения в том, что это создавало дополнительный стресс в их и без того сложной жизни – Сэму хватало хлопот с клиентами, а Алекс – с оппонентами.

Было сложно, но Паркеры действительно очень хотели второго ребенка. Порой им казалось смешным, что они, еще несколько лет назад не желавшие даже и думать о ребенке, теперь готовы на все, чтобы зачать второго. Они даже обсуждали возможность уколов «Пергонала», который действовал сильнее, чем «Серофен», но, впрочем, обладал побочными эффектами. Кроме того, на крайний случай была возможность зачатия из пробирки. В конце концов, всегда оставались еще более сложные способы завести ребенка. Но Алекс надеялась, что в срок два года она сможет зачать и без экстренных мер.

Аннабель научила их многому – ее появление прежде всего показало, какой прекрасной может быть жизнь, когда у тебя есть не только любимый человек, но и ребенок. Все годы до ее появления им не хватало именно этого. Да, карьера обоих сложилась замечательно; но теперь Алекс понимала, что другие важные стороны жизни остались для них неизведанными.

Аннабель к этому моменту исполнилось три с половиной года, и всякий раз, когда Сэм или Алекс смотрели на дочь, их сердце трепетало – ярко-рыжие кудри, огромные зеленые глаза и сеточка крошечных веснушек, которые Алекс называла «блестяшки».

На рабочем столе Алекс стояла большая фотография Аннабель, сделанная на пляже в Куоге⁵ прошлым летом. На ней улыбающаяся дочурка держала в руке лопатку и лепила кулич. Алекс взглянула на снимок и улыбнулась, а потом перевела взгляд на часы. Процесс, на котором ей пришлось присутствовать, занял почти все утро, и до встречи с новым клиентом оставался всего час, за который Алекс должна успеть просмотреть важные бумаги.

Алекс подняла голову – в кабинет вошел Брок Стивенс, один из молодых сотрудников фирмы. Брок работал с Алекс и еще одним адвокатом – выполнял мелкую бумажную работу, был на побегушках и готовил документы для процессов. Он устроился в «Бартлетт и Паскин» всего два года назад, но сразу покорила Алекс своим добросовестным и профессиональным подходом к работе.

– Привет, Алекс, есть минутка? Прости, что отвлекаю тебя после всего этого утреннего дурдома! – сочувственно произнес Брок, подмигнув ей.

– Конечно. Что случилось? – улыбнувшись, ответила Алекс. Несмотря на то что Броку было тридцать два, ей он казался ребенком. Светлые, выгоревшие на солнце волосы делали его похожим на озорного мальчишку. Брок хоть и из небогатой семьи, но с отличием закончил государственный юридический колледж в Иллинойсе и работал с редкостной самоотдачей. Алекс сама была такой же по характеру, поэтому обожала своего помощника.

Брок пересек комнату и сел в кресло напротив, обратив к ней сосредоточенный взгляд. Рукава его рубашки были закатаны, а узел на галстукке ослаблен, и оттого он казался еще моложе. Он поинтересовался:

сти.

⁵ Куог (англ. Quogue) – деревушка в Саутгемптоне, графство Саффолк в округе Нью-Йорк, что на южной оконечности Лонг-Айленда.

– Ну как все прошло?

– На уровне. Думаю, у Мэтта все получится. Его главный оппонент оговорился, и теперь Мэтт, похоже, получил свою желанную зацепку. Теперь он разгромит линию защиты, но все это будет продолжаться целую вечность. Я с ума сойду с этим процессом! – обхватив голову руками, ответила Алекс.

– Не ты одна. Но зато мы точно войдем во все учебники по юриспруденции – столько новых прецедентов! Мне нравится, – улыбнулся Брок. Иногда он казался Алекс слишком молодым и наивным, но все же надо признать, что это не умаляло его профессиональных качеств.

– А что там у тебя? Что-то новое по делу Шульца? – вернулась Алекс к теме разговора.

– Да, – со счастливой улыбкой ответил Брок. – Похоже, мы на верном пути. В последние два года истец скрывал налоги, и вряд ли присяжные будут к нему так уж благосклонны.

– Прекрасно. Прямо-таки замечательно, – с радостью в голосе произнесла Алекс. – Как ты это обнаружил?

Фирме пришлось направить отдельное ходатайство о предоставлении финансовых отчетов, которые после долгих проволочек наконец пришли сегодня утром.

– Довольно легко понять его махинации с налогами. Я тебе потом покажу. Думаю, теперь можно попытаться уладить все полюбовно – если, конечно, мы сможем достать Шульца.

– В чем я очень сомневаюсь, – задумчиво произнесла Алекс.

Джек Шульц – владелец небольшой компании. Двое его бывших сотрудников подали иски с обвинением в вымогательстве. Как известно, это один из проверенных способов вытянуть кругленькую сумму из предпринимателя, не желающего мараться. Однако теперь появился прецедент, и очеред ной бывший сотрудник добился возбуждения еще одного дела против Шульца, хотя в свое время сам воровал у фирмы деньги. Теперь же этот человек пытался прижучить бывшего шефа за дискриминацию. На этот раз Шульц сдаваться не соби-рался – он намеревался бороться до последнего и выиграть процесс.

– Но мы все равно получили, что хотели. После показаний того парня из Нью-Джерси насчет откатов истец сядет в лужу! – подытожил Брок.

– Надеюсь, – снова улыбнулась Алекс и вспомнила, что процесс назначен на следующую среду.

– Знаешь, у меня такое чувство, что адвокат истца попытается уладить все полюбовно уже на этой неделе, поскольку у нас теперь есть их финансовые отчеты. Что ты ему скажешь?

– Пусть катится к черту. Наш бедный Джек заслуживает победы. И он прав – нельзя поддаваться на шантаж. Если бы у других бизнесменов хватало сил дать всем мошенникам отпор! – с досадой произнесла Алекс.

– Дешевле – заплатить; ты же знаешь, что большинство из них просто не хочет связы-ваться, – махнул рукой Брок.

Оба это прекрасно знали, однако в последнее время предприниматели все чаще обра-щались в суд, чтобы бороться и одержать законную победу, вместо того чтобы откупаться от оппонентов, тем самым поощряя новые обвинения. В прошлом году Алекс уже выиграла несколько похожих процессов, и теперь считалась специалистом в подобных делах.

– Ты готова к процессу? – спросил Брок, впрочем, сознавая, что вопрос глупый. Алекс всегда готовилась на редкость тщательно, прекрасно разбиралась в законодательстве, при-ходила подготовленной и блестяще выступала в суде. Брок старался всеми возможными спо-собами облегчить ей работу и подстраховать, чтобы ничего во время процесса не застало ее врасплох. Броку нравилось с работать с Алекс. Строгая, но справедливая, она требовала от своих подчиненных той отдачи, с которой относилась к работе сама. Брок не жалел о вре-мени, которое тратил на подготовку дел для Алекс, для него это была хорошая школа.

Брок мечтал, что в один прекрасный день и он станет партнером – так же, как Алекс, и знал, что этот момент все ближе. Кроме того, он был уверен, что после нескольких лет плодотворной совместной работы он будет первым, кого она порекомендует. Правда, однажды Алекс с сожалением заметила, что, как только Брок станет одним из партнеров, а это произойдет, по ее мнению, очень скоро, ей некому будет поручать черновую работу. А от другого партнера фирмы Брок узнал, что Алекс уже замолвила за него словечко перед Мэтью Биллингсом, хотя сама она об этом ему ни слова не говорила.

– А кто этот новый клиент, с которым у тебя назначена встреча? – спросил Брок.

Он всегда интересовался, чем занимается Алекс. Кроме того, сама она ему была тоже очень интересна.

– Пока не знаю. На самом деле его порекомендовала другая фирма. По-моему, он собирается подать в суд на адвоката из другой юридической компании, – пожалала Алекс плечами. Она всегда с подозрением относилась к таким случаям, до тех пор пока не убеждалась, что все справедливо. У каждого процесса свои оборотные стороны. Ей не раз приходилось заниматься случаями, когда люди нападали на тех, кто этого совершенно не заслуживал. Эти убогие и озлобленные личности, как правило, считали, что их жизнь станет лучше, если они выиграют дело. Алекс никогда не бралась за подобные случаи, пока не убеждалась, что иск подан не безосновательно.

– Что ж, постарайся закончить все по делу Шульца, и давай пробежимся по нему завтра утром. Завтра пятница, я уйду в час, но, думаю, у нас хватит времени, чтобы подвести итоги по этому делу, а в выходные я еще раз все проверю. Хочу внимательно перечитать все показания и убедиться, что ничего не упустила. – Сдвинув брови, Алекс сделала пометку в своем календаре: половина девятого утра, Брок. Больше никаких рабочих дел на завтра она не планировала, по традиции за пятницу Алекс всегда старалась успеть переделать дела по дому.

– Как раз для этого я всю неделю и просматривал показания – сделал кое-какие замечания, завтра все тебе покажу. Там есть что-то, что тебе точно пригодится; кроме того, я и видеозаписи внимательно изучил, – заметил Брок. Момент дачи некоторых показаний фиксировался на видео. Алекс иногда прибегала к помощи видеосъемки – это всегда раздражало оппонентов.

– Спасибо, Брок, – улыбнулась Алекс. Честное слово, Брок – настоящий подарок с небес. При ее занятости без хорошего помощника она бы просто погрязла в бумагах. Впрочем, второй ассистент Алекс тоже превосходный специалист. Он проводил с Броком столько же времени, сколько и с ней. Они были хорошей командой и прекрасно об этом знали.

– В общем, встретимся завтра в полдевятого. Спасибо, что так тщательно все подготовил, – поблагодарила Алекс Брока, хотя ситуация была обычной – он работал по тому же принципу, что и Алекс. Живой ум и скрупулезность – его главные черты. Да и в целом Брок – очень приятный человек. А главное – холостяк. Именно поэтому он мог работать вечерами, в праздники, выходные. Брок стремился сделать успешную карьеру и прикладывал максимум усилий. Временами он напоминал Алекс ее саму и ее мужа в прежние времена. Конечно, они и сейчас много работали, но уже не так, как раньше, – теперь ни Сэм, ни Алекс уже не засиживались до полуночи. Теперь у них были семья, Аннабель, другие желания в жизни, помимо карьеры. Брок же еще был слишком молод для того, чтобы обзавестись семьей. Алекс знала, что ему нравилась одна из помощниц адвоката, очаровательная выпускница Стэнфорда, но он слишком ценил свою карьеру, чтобы рисковать, заводя роман с коллегой. Это было против правил и могло поставить под угрозу его повышение.

Через несколько минут Алекс уже принимала у себя в офисе нового клиента. Информацию, которую он ей сообщил, она восприняла без особого энтузиазма. Судя по всему, довольно скользкое дело, Алекс даже допустила мысль, что истец не до конца откровенен.

Да и вообще она предпочитала выступать на стороне защиты, а не обвинения. Она сообщила, что подумает и обсудит все со своими партнерами, но призналась, что ее загруженность на данный момент и количество дел, которые ей предстоит подготовить, не позволят ей уделить новому иску должное внимание. Алекс держалась дипломатично, но очень твердо и обещала позвонить клиенту через несколько дней, как только поговорит с партнерами. Впрочем, желания встретиться с ним еще раз у нее не было. Просто Алекс решила потянуть время и подумать, хотя очень сомневалась, что возьмется за это дело.

Ровно в пять Алекс, взглянув на часы, включила селектор и предупредила Лиз Хэзкомб, свою секретаршу, что уходит. Она старалась каждый день уходить в пять, если к тому времени успевала освободиться. Подписав несколько писем, оставленных секретаршей, и сделав пару заметок, Алекс оставила Лиз еще пару поручений. Через минуту Элизабет вошла к ней в кабинет за документами и ласково улыбнулась. У Лиз было четверо детей, а ее муж скончался. Всего несколько лет ей оставалось до пенсии. Лиз импонировало то, что Алекс поскорее хочет попасть домой, к обожаемой дочурке. Это говорило Лиз о том, что Алекс – не только замечательный юрист, но и прекрасный человек и заботливая мать. Сама Лиз была уже бабушкой шести внуков, поэтому она всегда с удовольствием слушала рассказы Алекс об Аннабель и разглядывала ее фотографии.

– Большой привет мисс Аннабель. Как ей в детском саду? – подмигнула Лиз.

– Она в восторге, – с улыбкой ответила Алекс, убирая последние бумаги в свой кейс. – Не забудьте послать Мэтью Биллингсу мои записи с утреннего процесса. А к завтрашнему дню приготовьте, пожалуйста, все бумаги по делу Шульца. В половине девятого ко мне придет Брок.

Алекс надо было обдумать так много всего. Процесс по делу Шульца начинался в следующую среду, то есть целую неделю или даже больше Алекс не сможет появиться в офисе. А значит, все остальные дела должны быть в безупречном состоянии. Да уж, в понедельник и вторник ей придется туго.

– Что ж, до завтра, – улыбнулась она Лиз. Ее секретарша знала, что всегда сможет позвонить Алекс домой или послать ей бумаги курьером. Алекс обожала Аннабель, но всегда оставалась на связи с коллегами и сотрудниками. Даже в зал суда она неизменно брала с собой пейджер.

– Доброго вечера, Алекс, – улыбнулась ей вслед Лиз.

Уже через пять минут Алекс бежала по Парк-авеню. Пять часов, поймать такси в час пик практически нереально, однако Алекс повезло. Сев в такси, Алекс с удивлением заметила, какая сегодня прекрасная погода. Превосходный октябрьский денек, яркое и теплое солнце, и лишь легкий ветерок напоминает о том, что на дворе осень. Если бы Алекс не спешила домой, к дочери, она бы пошла пешком – погода того стоила. Но она уже расположилась на сиденье, и перед ее глазами всплыло озорное, покрытое веснушками личико Аннабель.

Алекс подумала, что очень хочет снова забеременеть. Они с Сэмом старались изо всех сил вот уже три года, но приблизить счастливое событие никак не удавалось. В то же время она не готова попробовать какой-нибудь революционный метод зачатия ребенка. Да и непонятно, как она сможет найти в своем распорядке дня место для ЭКО⁶ или инъекций «Пергонала». И оттого еще более прекрасной ей казалась возможность забеременеть естественным способом. Уровень прогестерона у Алекс был достаточным, уровень фоллитропина – в норме. Алекс решила, что, придя домой, первым делом сделает «голубой тест», просто чтобы

⁶ Экстракорпоральное оплодотворение (от *лат.* extra – снаружи, вне и *лат.* corpus – тело, то есть оплодотворение вне тела, сокр. ЭКО) – вспомогательная репродуктивная технология. Во время ЭКО яйцеклетку извлекают из организма женщины и оплодотворяют искусственно, после чего эмбрион переносят в полость матки для дальнейшего развития.

убедиться, что не упустила момент. По ее подсчетам, овуляция произойдет в эти выходные. Слава богу, хотя бы не во время процесса, подумала Алекс, пока такси протискивалось по переполненной автомобилями улице.

На углу Мэдисон и 74-й улицы они встали, и Алекс поняла, что быстрее будет пройти последние три квартала пешком. Легкий ветерок приятно обдувал лицо – как же хорошо выйти на воздух после целого дня в офисе. Алекс шла, подпрыгивая на каблучках и весело размахивая кейсом, предвкушая, как войдет в квартиру и встретится с Аннабель. Может быть, и Сэм уже дома. Она улыбнулась, подумав о нем. Несмотря на 17 лет супружеской жизни, Алекс была все еще безумно влюблена в своего мужа. У нее было все: великолепная карьера, очаровательная дочь, муж – любовь всей жизни. Она чувствовала себя самой счастливой женщиной на свете. Впрочем, Алекс никогда не считала свое счастье чем-то само собой разумеющимся и каждый день благодарила за него судьбу. Так что, если она не сможет забеременеть снова, жизнь на этом не кончится. Может быть, они захотят усыновить ребенка. Или у них будет только Аннабель. Ничего ужасного в том, чтобы быть единственным ребенком в семье, нет – в своих семьях они с Сэмом тоже были единственными детьми. Кроме того, говорят, такие дети, по статистике, умнее детей из многодетных семей.

Что бы ни произошло, Алекс знала, ее жизнь складывается так, как надо. Одна мысль об этом заставила ее широко улыбнуться. Поздоровавшись со швейцаром, Алекс быстрым шагом вошла в вестибюль.

Глава 2

Войдя в квартиру, Алекс заметила, что в доме стоит непривычная тишина. Алекс подумала, что Кармен загулялась с Аннабель в парке. В большинстве случаев она возвращалась с прогулки домой к пяти часам, чтобы успеть искупать девочку перед ужином. Но, войдя в ванную, Алекс обнаружила там свою маленькую принцессу, почти полностью скрытую за стеной из пены. Кармен сидела на краю ванны, а Аннабель играла в русалку. Не говоря ни слова, она ныряла в воду и выныривала, почти невидимая за пеленой пены. Мыться в глубокой мраморной ванне Алекс разрешала девочке лишь изредка в качестве награды. Поэтому в квартире и стояла такая тишина – спальня Алекс и Сэма находилась в дальнем конце коридора.

– Что это вы тут делаете? – радостно улыбнулась Алекс няне и своей дочурке. Еще раз подумав, что Аннабель определенно самая хорошенькая девочка на свете. На фоне темного мрамора ванной волосы ее светились, словно огонь маяка на далеком берегу.

– Ш-ш-ш, – серьезно сказала Аннабель, приложив палец к губам. – Русалки не разговаривают.

– Так ты русалка? – притворилась удивленной Алекс.

– Ну конечно! Кармен сказала, если я позволю ей сегодня помыть мне голову, то смогу помыться в твоей ванне и взять твою пену, – таким же серьезным голосом сказала Аннабель.

Кармен смущенно улыбнулась, и Алекс рассмеялась. Аннабель обожала сделки, и Кармен так же легко, как Алекс и Сэм, поддавалась на все ее уловки. Ради справедливости стоит заметить, что избалованным ребенком Аннабель не была – просто прекрасно знала, что все вокруг ее боготворят.

– А что, если я залезу к тебе в ванну и мы обе вымоем голову? – предложила Алекс. Ей все равно нужно было успеть принять душ до прихода Сэма.

– Давай, – подумав с минуту, согласилась Аннабель. Она терпеть не могла, когда ей мыли голову шампунем, но на этот раз, похоже, смирилась с неизбежным. Алекс сняла свой костюм и туфли на каблучке. Кармен отправилась готовить ужин, а Аннабель продолжала изображать из себя русалку. Через минуту ее мать к ней присоединилась, и обе женщины – большая и маленькая – завели важную беседу обо всем на свете. Аннабель очень гордилась тем, что ее мама адвокат, а папа – «инвестиционный капиталист», как говорила Алекс, объясняя дочери, что он вроде банкира, то есть вкладывает деньги людей в какое-то дело. Сам папа рассказывал о своей работе не совсем так, но Аннабель такое объяснение устраивало вполне. А мама, как было известно девочке, ходила в суд и спорила там с судьей, но не отправляла людей в тюрьму.

– Чем ты сегодня занималась? – спросила Алекс, с удовольствием опустившись в горячую воду, покрытую пузырьками пены. После тяжелого дня в офисе она и впрямь чувствовала себя русалкой, выброшенной на берег.

– Всем понемногу, – ответила Аннабель, довольно глядя на свою мать. Залезая в ванну, Алекс чмокнула ее в лоб.

– Что-нибудь интересное было в садике? – спросила Алекс.

– Ничего особенного. Правда, мы ели лягушек.

– Вы ели лягушек? – удивилась Алекс. – Неужели настоящих?

Не могли же дети есть настоящих лягушек?!

– Зеленых. С черными глазами и волосами из кокоса, – улыбнулась Аннабель.

«Волосы из кокоса» – какой красочный намек. И как только Алекс жила без своей дочурки столько времени!

– В смысле, пирожные? – спросила она.

– Угу. Бобби Бронштейн принес. У него сегодня был день рождения, – ответила Аннабель.

– Ой, как здорово!

– А еще его мама принесла мармеладных червячков и паучков. Таких больших-пре-больших! – расхохоталась Аннабель, довольная, что ей удалось напугать маму.

– Звучит аппетитно, – улыбнулась Алекс, а Аннабель пожала плечами, вспомнив все кулинарные изыски, которые перепробовала в детском саду:

– Вкусно было. Но твои пирожные я больше люблю. Особенно шоколадные.

– Я, может, испеку их в выходные, – сказала Алекс и, вспомнив о «голубом тесте», мысленно продолжила: «После того как мы с твоим папой попытаемся сделать тебе братика или сестренку».

– Так что мы собираемся делать в эти выходные? – произнес знакомый голос. Алекс и Аннабель обернулись и увидели Сэма, который стоял в дверном проеме. Сэм посмотрел в глаза Алекс со всем обожанием, которое испытывал к своей жене и дочери, а потом нагнулся и поцеловал обеих. Алекс поймала его за галстук и поцеловала еще раз.

– А мы тут говорили о разных вещах. Я хочу испечь пирожные в выходные, – обольстительным голосом сказала Алекс. Сэм удивленно вскинул бровь. Он отошел к стене и снял галстук.

– А есть еще какие-нибудь планы? – спросил он как бы невзначай, помня о «голубом тесте».

– Пожалуй, – с улыбкой ответила Алекс, и Сэм удовлетворенно ухмыльнулся. Пятидесятилетний красавец, выглядел он лет на десять моложе своего возраста. Они прекрасно смотрелись вместе, и было очевидно, что их страсть друг к другу не угасла даже с рождением Аннабель.

– А что это вы с мамой делаете среди этих мыльных пузырей? – спросил Сэм.

– Мы русалки, папа, – ответила Аннабель.

– Не против, если к вам присоединится большой кит?

– Ты будешь мыться с нами, папа? – засмеялась девочка.

Сэм снял пиджак и начал расстегивать рубашку. Он запер дверь, чтобы вдруг не вошла Кармен, и нырнул к своим «русалкам». Сэм резвился и брызгался как ребенок. Алекс вымыла голову дочке. Потом они все вылезли из ванны, вытерли Аннабель и завернули ее в огромное розовое полотенце – а Сэм принял душ, чтобы смыть с себя пену. Повязав полотенце вокруг бедер, он взглянул на свою жену и дочурку с нескрываемым обожанием:

– Вы прямо близнецы.

Они вправду были похожи – у обеих ярко-рыжая шевелюра. Алекс недавно пожаловалась Сэму, что обнаружила у себя несколько седых прядей, но со стороны ее волосы оставались такими же огненно-рыжими, как и у Аннабель.

– А кем мы будем на Хэллоуин? – спросила Аннабель, пока Алекс вытирала ей волосы. Сэм пошел в спальню – надеть джинсы, свитер и тапочки. Он так любил приходить домой с работы, играть с Аннабель и проводить время с Алекс. Их чувства не угасли, с каждым годом он любил жену все сильнее, а появление Аннабель только укрепило их любовь. Он жалел только об одном: что они с Алекс раньше не поняли, какое это счастье – иметь детей.

– А ты чем хочешь заняться на Хэллоуин? – спросила Алекс, распутывая ярко-рыжие кудри Аннабель.

– Я хочу быть канарейкой, – решительно ответила ее дочь.

– Почему именно канарейкой? – улыбнулась Алекс.

– Потому что они очень милые. У Хилари есть канарейка. А может быть, я буду Медным Колокольчиком или Русалочкой.

– На следующей неделе я зайду в детский магазин «FAO Schwarz» и что-нибудь подберу, ладно? – сказала Алекс и тут же вспомнила про суд. Значит, придется либо разобраться с костюмом для дочки до среды, либо ждать окончания процесса. Алекс всегда четко распределяла свое время и теперь подумала, что разумнее попросить Лиз позвонить в магазин и выяснить, что у них есть.

– Ну так что мы делаем на Хэллоуин? – спросил Сэм, войдя в ванную. Он уже успел облачиться в джинсы и зеленый свитер.

– Давайте пойдем кататься на аттракционах, как в прошлом году, – сказала Алекс, и Сэм согласно кивнул. На Алекс красовались махровый халат розового цвета и тюрбан из полотенца в тон халату на голове. Надев на Аннабель ночную рубашку, она оставила дочурку с ее отцом и отправилась на кухню – проверить, как там ужин.

В духовке запекалась курица, в микроволновке – картофель, в кастрюле на плите тушилась стручковая фасоль. Кармен сказала, что ужин почти готов. Обычно, если Алекс и Сэм приходили поздно, Кармен оставалась до вечера, но и тогда, когда супруги приходили с работы пораньше, она готовила для них и только после этого уходила домой. Иногда, впрочем, Алекс и Сэм сами готовили ужин.

– Кармен, спасибо вам большое, – с улыбкой сказала Алекс, и Кармен улыбнулась в ответ. – Следующая неделя будет очень напряженной, и мне понадобится ваша помощь. В среду я должна присутствовать в суде.

– Можете на меня рассчитывать. Я могу сидеть с Аннабель и по вечерам. Ничего страшного, – ответила ей няня. У пятидесятилетней Кармен было шестеро детей – от двоих мужей – и семнадцать внуков. Она жила в Куинсе, и путь до квартиры Паркеров, живших на Манхэттене, был неблизким. Кармен обожала детей, и больших, и маленьких. Она знала, как отчаянно Алекс и Сэм пытаются зачать второго ребенка, и очень сожалела, что это у них никак не выходит. Кармен попрощалась с Алекс и ушла – стол она как раз успела накрыть, и по кухне распространился соблазнительный запах вкусного ужина.

Потратив пару минут, чтобы переодеться в джинсы и рубашку, Алекс позвала мужа и дочку к ужину. Они собрались за простым стареньким столом. Алекс поставила свечи и положила рядом с тарелками чистые салфетки с красивым узором. Иногда они с мужем ужинали в столовой, но чаще всего на кухне, вместе с Аннабель – в те дни, когда не задерживались на работе или не были в гостях. Алекс и Сэм наслаждались каждым мгновением, проведенным с дочерью.

Весь вечер Аннабель без устали болтала. Сэм помог Алекс вымыть посуду, пока их дочка играла в куклы. Потом Сэм расположился перед телевизором – начинался вечерний выпуск новостей. Алекс почитала Аннабель сказку перед сном, и в восемь часов девчушка уже спала в своей кроватке. В распоряжении Паркеров теперь целый вечер. Алекс опустилась рядом с мужем на стоявшую в гостиной кожаную кушетку, но вовремя вспомнила про тест на овуляцию и быстро смешала реактивы. Пик выделения гормона, предшествовавший овуляции, еще не наступил, и точно предсказать, когда он случится, невозможно. Впрочем, благодаря препаратам, которые Алекс принимает, овуляция происходит регулярно – так что следующая должна быть в субботу или воскресенье. Врачи советовали Паркерам не воздерживаться от половой жизни в течение пяти дней перед овуляцией, но и не заниматься любовью непосредственно в день перед ней – иначе у Сэма не выработается нужное количество спермы. Теперь спонтанный секс для Алекс и Сэма стал непозволительной роскошью, но они по-прежнему наслаждались друг другом. Врачи запретили Сэму употреблять спиртное до момента овуляции у Алекс. А еще ему нельзя принимать горячие ванны и пользоваться сауной – высокая температура убивает сперматозоиды. Иногда Сэм даже шутил, что будет носить в штанах кубики льда, как делали страдавшие бесплодием мужья.

– Так что, я тебе сегодня не нужен? – с улыбкой спросил Сэм, когда Алекс наконец уселась рядом с ним на кушетку.

– Пока нет, – ответила она, чувствуя себя полной идиоткой. Все эти тесты, прогнозы, пустые разговоры и воздушные замки ей порядком надоели. Однако оба они считали, что игра стоит свеч, и не опускали рук. – Наверное, только в выходные понадобится.

– Уверен, что в субботу днем мы найдем себе занятие поинтереснее, – сказал Сэм, обняв жену. По субботам Кармен приходила обычно ближе к вечеру, чтобы дать Паркерам возможность выспаться, и могла задержаться допоздна. Идеальная няня, к тому же она искренне обожала Аннабель, и девочка отвечала ей взаимностью.

Алекс поделилась с Сэмом соображениями на тему предстоящего на следующей неделе процесса и рассказала о заседании суда, на котором присутствовала. Сэм, в свою очередь, поведал ей о новом клиенте в Бахрейне и о возможном новом партнере, с которым его познакомил. Это был англичанин, имевший в финансовых кругах репутацию человека, способного заключать невероятно выгодные сделки. Сам же Сэм виделся с ним лишь несколько раз и пока еще не мог составить о нем конкретное мнение. Соответственно, не был уверен, что его стоит принимать в партнеры.

– Почему этот человек всем так нравится? – спросила Алекс – она всегда интересовалась делами мужа. И тут Сэм разразился целой тирадой о том, какое впечатление производит этот англичанин. Он уважал мнение своей жены и ценил ее интуицию, часто помогавшую ему в рискованных ситуациях.

– У него куча денег, и он знаком с самыми влиятельными людьми из разных стран. Но не знаю, мне кажется, что ведет он себя как очередной пуп земли. По слухам, женат на какой-то там дочке великосветского английского лорда, но, по-моему, это все болтовня. Не знаю. Ларри и Том думают, что нашли золотую жилу.

– А как у него с доходами? Ты навел справки? – уточнила Алекс.

– Конечно, навел. Все проверки и отчеты – как по расписанию, тут он безупречен. Начальный капитал нажил в Иране. С тех пор, похоже, и делает деньги, причем немалые. Была пара необычных сделок в Бахрейне, так что у него есть контакты на Ближнем Востоке. Он то и дело упоминает, что хорошо знает брунейского султана. Честно говоря, я – в отличие от Тома и Ларри – не очень в это верю. Он пытается создать ощущение, что уже добился всего, и вот-вот лопнет от осознания своего богатства и значимости.

– Может быть, вы возьмете его на временной основе? Попробуй поработать с ним полгода – это даст тебе время, чтобы хорошенько во всем разобраться.

– Именно это я и предлагал Тому и Ларри, но они считают, что для такой важной персоны, как наш вероятный партнер, это унижительно. Саймон, по их мнению, не тот человек, которого можно взять на испытательный срок. Но лично я не уверен, что готов принять его на полных правах, – пожал плечами Сэм.

– Тогда прислушайся к своему чутью. Оно тебя еще никогда не подводило. Я, по крайней мере, в него верю.

– А я верю в тебя, – ласково сказал Сэм и наклонился, чтобы поцеловать Алекс. С самого начала их брака он восхищался ее недюжинным умом и воцелел ее прекрасное тело. Алекс досталось редкое сочетание ума и ослепительной внешности. – Слушай, а что, если сегодня мы отправимся в постель пораньше и немного потренируемся перед выходными?

– Звучит заманчиво, – откликнулась Алекс, чмокнув его в шею. Оба понимали, что не смогут сдержаться и не заняться сегодня любовью. В конце концов, до овуляции оставалось еще два или три дня. Если терпеть до завтра, шансы зачать ребенка будут меньше. Сложно жить по такому распорядку, но Алекс была настроена решительно – они с мужем не откажутся от идеи завести второго ребенка. Когда-нибудь, впрочем, им могут надоест бесконечные попытки. Вот тогда-то и можно будет заниматься сексом, когда захочется.

Сэм выключил свет в кабинете и гостиной. Алекс прошла за ним в спальню, на ходу расстегивая джинсы и пытаясь выбросить из головы мысль о портфеле с бумагами, который она оставила в углу. Сэм тоже его заметил и поинтересовался, собирается ли Алекс еще поработать сегодня вечером. Та только пожала плечами: все, чего она хочет в этот момент – провести время со своим мужем.

Они легли на купленные Алекс на Мэдисон-авеню простыни, которые приятно холодили кожу. Сэм обхватил жену мускулистыми руками, и Алекс мгновенно забыла обо всем на свете, даже о своем желании зачать ребенка. Сейчас для нее существовал только любимый мужчина. Сжимая ее в страстных объятиях, Сэм проник в Алекс. Они занимались любовью долго-долго, наслаждаясь друг другом. Когда же все было кончено, Сэм, урча от удовольствия, покрепче обнял жену и уснул.

– Я тебя люблю, – прошептала Алекс, уткнувшись в его шевелюру. Она долго лежала в темноте, обнимая Сэма, а потом осторожно высвободилась, стараясь не разбудить мужа, и взяла свой портфель. Затем, в течение двух часов, сидя в удобном кресле, Алекс разбирала бумаги и делала пометки. Сэм крепко спал, Аннабель проснулась один раз, и Алекс дала ей стакан воды. Некоторое время она полежала рядом с дочкой, прижав ее к себе, пока девочка не уснула снова, а потом вернулась в спальню и продолжила работу.

Около часа ночи Алекс закончила работу. Закрыв папки, она потянулась, зевнула и сложила бумаги в кейс. Она привыкла работать по ночам: никто не мешает, не отвлекает, легко сосредоточиться.

Когда она легла рядом с Сэмом, он заворочался, но даже не понял, что какое-то время ее не было рядом. Алекс выключила свет и стала думать: о нем, об Аннабель, о грядущем процессе и новом клиенте, с которым сегодня встречалась и явно не собиралась работать, и о перспективном партнере Сэма. Так много мыслей и дел накопилось, что иногда Алекс думала: стыдно тратить время на сон. Чтобы успеть переделать все дела, она не могла пренебречь ни одной свободной минуткой. Но, в конце концов, она выгнала из головы все назойливые мысли, уснула и проспала как убитая, пока утром ее не разбудил звонок будильника.

Глава 3

Как всегда, Сэм разбудил Алекс, погладив по руке и поцеловав в лоб. На всю катушку вопил радиоприемник, и, как чаще всего и бывало по утрам, проснулась она совершенно разбитой. Казалось, между днями нет перерыва – они плавно перетекают друг в друга; из-за своего плотного графика и напряженной обстановки Алекс все время чувствовала упадок сил.

Она с трудом встала и пошла будить Аннабель, которая обычно просыпалась раньше родителей. Сегодня малышка почему-то заспалась. Когда Алекс поцеловала свою дочурку, та блаженно потянулась, и мама легла рядышком. Они долго смеялись и перешептывались, пока Аннабель наконец не пожелала встать. В ванной Алекс умыла и причесала ее, почистила ей зубы и повела в детскую одеваться. Сегодня утром Аннабель выбрала маленький костюмчик из грубого хлопка, который Сэм привез из Парижа, – брюки, розовую рубашку в клетку и кремовую курточку. Дополняли образ кроссовки ярко-розового цвета. Во всем этом Аннабель выглядела очаровательно.

– Вау, принцесса, да ты сегодня ослепительна, – сказал Сэм, окинув появившуюся в дверях кухни дочку восхищенным взглядом. Он уже успел принять душ, побриться, облачиться в темно-серый костюм, белую рубашку и синий галстук Hermès и теперь сидел за столом, листая свою «библию» – газету «Уолл-стрит-джорнел»⁷.

– Спасибо, папа, – вежливо поблагодарила его Аннабель. Сэм поставил перед ней хлопья с молоком и забросил в тостер кусок хлеба. Алекс тем временем отправилась принимать душ и приводить себя в порядок.

Распорядок дня Паркеров был хорошо спланирован, хотя оба могли с легкостью перестраиваться на ходу. Если у Алекс ранняя встреча, все утренние хлопоты ложились на Сэма – и наоборот. В это утро они оба были относительно свободны, и Алекс даже вызвалась отвести дочку в садик, который находился всего в нескольких кварталах от дома; ей хотелось провести с Аннабель немного больше времени, потому что в течение следующей безумной недели она практически не будет ее видеть.

Алекс присоединилась к Аннабель и Сэму ровно три четверти часа спустя. Она уже полностью была готова к выходу. Времени у нее оставалось, только чтобы залпом выпить чашку кофе и доесть оставшиеся тосты. Пока она хрустела тостами, Сэм объяснял Аннабель, что такое электричество и почему опасно засовывать мокрую вилку в тостер.

– Так ведь, мамочка? – обратился он к Алекс за поддержкой. Алекс кивнула и стала жадно проглатывать страницы «Нью-Йорк таймс»⁸. Из последних новостей ее внимание привлекла статья о том, что Конгресс вынес президенту предупреждение, и заметка о том, что один из ненавистных ей верховных судей уходит в отставку.

– Слава богу, хоть не будет досаждать мне на предстоящем процессе, – не слишком членораздельно произнесла она, дожевывая тост. Сэм рассмеялся.

– Какие планы на сегодня? – спросил он. Его планы включали пару важных встреч с клиентами и ланч в «21» с тем самым англичанином, во время которого Сэм планировал узнать о нем побольше.

– Ничего особенного. Сегодня у меня короткий день, – напомнила Алекс, хотя Сэм и так прекрасно об этом знал. – Я встречаюсь с одним из помощников, чтобы подготовиться к

⁷ «Уолл-стрит-джорнел» (англ. The Wall Street Journal – «Дневник Уолл-стрит») – ежедневная американская деловая газета на английском языке. Издается в городе Нью-Йорк (штат Нью-Йорк) компанией Dow Jones & Company с 1889 года.

⁸ «Нью-Йорк таймс» (The New York Times) – третья по популярности (после The Wall Street Journal и USA Today) газета США. Была основана 18 сентября 1851 года и издается с тех пор без перерыва.

процессу на следующей неделе. Потом у меня плановый визит к доктору Андерсону, а после я заберу Аннабель, и мы отправимся в балетную школу.

Больше всех дней в неделе Аннабель обожала пятницу, потому что в этот день она ходила в балетную школу «Miss Tilly's». Малышке там очень нравилось, да и Алекс тоже очень любила приводить Аннабель на занятия балетом. Это одна из причин, почему и Алекс обожала пятницы – дни, когда она могла посвятить дочери больше времени.

– С чего это тебе понадобилось идти к доктору Андерсону? Я о чем-то не знаю? – встревожился Сэм.

Алекс покачала головой. Доктор Андерсон ее гинеколог, именно он координировал попытки Паркеров зачать второго ребенка:

– Так, ерунда. Обычный мазок. А еще я хочу спросить его про «Серофен». Знаешь, я чувствую, что те дозы, в которых я его принимаю, слишком велики – от них страдают и здоровье, и работоспособность. Может быть, мне стоит уменьшить дозу или временно перестать принимать этот препарат. Не знаю. Потом тебе расскажу, что считает доктор.

– Обязательно, – улыбнулся Сэм. Его тронула до глубины души готовность Алекс терпеть такие страдания ради возможности забеременеть. – И удачи тебе с твоим делом.

– А тебе удачи в разговоре с Саймоном. Надеюсь, ты поймешь, пригодится ли он тебе.

– Я тоже на это надеюсь, – вздохнул Сэм, – по крайней мере, я надеюсь, что станет легче. Пока я не знаю, что делать и чему доверять – моему чутью, его происхождению или настроению моих партнеров. Может быть, я просто чего-то не понимаю или становлюсь старым параноиком.

В этом году Сэму исполнилось пятьдесят, что его очень удручало, но Алекс вовсе не считала его параноиком – чутье у него по-прежнему было поразительным.

– Я же тебе говорю, доверься своим инстинктам. Они тебя еще никогда не подводили.

– Спасибо за вотум доверия, – подмигнул Сэм.

Они взяли свои плащи, Алекс помогла Аннабель надеть куртку, затем выключила свет и заперла входную дверь. В вестибюле Сэм чмокнул дочурку и жену в щеки, поймал такси и уехал. Алекс проводила Аннабель до садика в Лексингтоне, непринужденно болтая, смеясь и шутя. Около дверей садика они расстались. Через минуту Алекс сидела в такси, мчавшем ее в центр.

Брок уже ждал ее в кабинете, окруженный бумагами по процессу. Кроме того, на столе у Алекс лежали пять записок, к делу Шульца отношения не имевших. Две из них были от перспективного клиента, с которым она встречалась вчера, и Алекс черкнула в своем ежедневнике напоминание позвонить ему.

Как и всегда, Брок великолепно подготовился, и его заметки по процессу очень ейгодились. В половине двенадцатого они закончили, и Алекс поблагодарила Брока за проделанную работу. До конца дня у нее еще оставалась масса дел, а встреча с доктором запланирована на двенадцать, так что времени осталось только на то, чтобы сделать пару звонков.

– Тебе больше не нужна моя помощь? – произнес Брок своим обычным деловым тоном. Алекс взглянула на кипу бумаг на столе, чувствуя, что вот-вот свихнется от их количества. Конечно, если она попросит отвести Аннабель в балетную школу Кармен, то сможет вернуться и все доделать. Но Алекс знала, в таком случае бедняжка Аннабель сильно расстроится.

Алекс всегда спешила, бралась за большее количество дел, чем могла успеть, – как бегун, который чувствует, что некому передать эстафету. Во всяком случае, Сэму она передать ее не может – у него и без того куча своих проблем по работе. Слава богу, хоть в том, что касается ее адвокатской деятельности, ей на выручку может прийти Брок. Вспомнив о нем, Алекс попросила его связаться с теми двумя клиентами, которым нужно позвонить. Она протянула ему их письма со слегка виноватым видом, благодарно улыбаясь:

– Буду тебе очень признательна.

– Обязательно позвоню. Может, что-то еще нужно? – Брок взглянул на Алекс взглядом, полным тепла и поддержки. Ему нравилось работать под ее началом – их с Алекс отношение к работе во многом совпадало. Словно они пара профессиональных танцоров, которые прекрасно чувствуют друг друга – и потому так здорово двигаются вместе.

– Сходи вместо меня к гинекологу, а? – несчастным голосом произнесла Алекс.

– Да с удовольствием, – расплылся Брок в улыбке. Алекс нервно усмехнулась.

– Ах, если бы, – вздохнула она. Визит к врачу казался ей совершенно бесполезной тратой времени – у нее же все в порядке. Она чувствует себя идеально. В конце концов, «Серофен» они с доктором Андерсоном могут обсудить и по телефону. Алекс глянула на часы и окончательно решила отложить посещение. Она по памяти набрала номер клиники, но номер оказался занят, а пропустить прием, не предупредив доктора, неудобно. Андерсон – один из лучших врачей в городе, именно он принял у Алекс роды, а после рождения Аннабель еще и курировал их с Сэмом попытки завести второго ребенка. Алекс позвонила еще раз, но в трубке по-прежнему звучали короткие гудки. Чертыхаясь про себя, она встала и сняла пальто с вешалки.

– Трубку он там, что ли, неправильно положил? Пойду, а то еще скажет, что ему из-за моих пропусков зарплату сократили, – пошутила Алекс и повернулась к Броку. – Позвони, если вдруг что-то новое будет по делу Шульца. Я дома все выходные.

– Не волнуйся. Если что, позвоню. Постарайся обо всем забыть. В конце концов, все материалы уже готовы. В понедельник мы сядем и еще раз пройдемся по всему. А пока просто отдохни, – подмигнул Брок.

– Говоришь прямо как мой муж. Сам-то ты чем собираешься заняться в выходные? – спросила Алекс. Она застегнула портфель и набросила на плечи пальто.

– Сидеть здесь, в офисе, и работать. А ты что думала? – засмеялся Брок.

– Замечательно. Тогда хватит тратить время на болтовню. Ты тоже должен отдохнуть! – Алекс погрозила ему пальцем, в душе, однако, радуясь его трудолюбию. – Спасибо тебе. Ты мне очень помог.

– Да не за что. На процессе в среду все пройдет по плану, поверь мне.

– Спасибо, Брок, – улыбнулась Алекс на прощание. Махнув рукой Лиз в приемной, она пулей вылетела из здания, и через пять минут такси уже мчало ее на угол Парк-авеню и 72-й улицы. Визит к Андерсону казался ей совершенно ненужным, но мазок нужно сделать в любом случае; кроме того, Алекс всегда успокаивалась от разговоров о том, как сложно ей забеременеть. Они с доктором Джоном Андерсоном знали друг друга очень давно, он всегда относился к своей пациентке с симпатией и внимательно выслушивал все ее жалобы. Доктор Андерсон знал – Алекс боится, что не сможет зачать ребенка, и поэтому постоянно напоминал ей, что они с Сэмом оба здоровы. Вот только их эпопея со второй беременностью за последние три года успехом так и не увенчалась. С точки зрения медицины причин для паники не было, но напряженный рабочий график и несколько не подходящий для деторождения возраст сказаться могли.

В этот раз они снова обсудили возможность инъекций «Пергонала», их преимущества и побочные эффекты. Алекс поделилась своими соображениями насчет зачатия «из пробирки». Хотя последние разработки, такие как, например, использование донорской яйцеклетки, ее пугали. В конце концов они решили, что Алекс просто продолжит принимать «Серофен». Доктор предложил попробовать провести искусственное осеменение спермой Сэма в следующем месяце (при условии его согласия, конечно же), чтобы дать семени и яйцеклетке оптимальную возможность «встретиться». Андерсон объяснил суть процедуры так, что она показалась очень простой.

Затем врач осмотрел Алекс и, как всегда, сделал мазок. Заглянув в ее медицинскую карту, Андерсон поинтересовался, когда она в последний раз делала маммограмму. Алекс призналась, что совершенно о ней забыла.

– Я уже два года не делала маммограмму, – ответила она. Но ни опухоли, ни каких-нибудь других нарушений она у себя не замечала. В ее семье у женщин никогда не было рака груди. Алекс вообще мало волновала ее грудь, хотя насчет мазка она была щепетильна и каждый год отправлялась к врачу. Кроме того, врачи не были едины во мнении насчет того, насколько часто женщинам ее возраста нужно делать маммограмму – раз в год или раз в два года.

– Маммограмму обязательно нужно делать каждый год, – проворчал доктор Андерсон. – После сорока лет это очень важно.

Видимо, он был из тех врачей, кому больше по душе концепция «ежегодно». Пропальпировав ее грудь, он, впрочем, новообразований не обнаружил. Кроме того, Алекс сама выкормила Аннабель, что снижало риск образования раковой опухоли.

– Когда у вас следующая овуляция? – быстро спросил Андерсон, бросив взгляд в ее карту.

– Завтра или послезавтра, – спокойным голосом ответила Алекс.

– Тогда я настоятельно рекомендую сделать маммограмму сегодня. Если завтра вы забеременеете, то сможете сделать маммограмму только через два года – во время беременности это не рекомендуется, а во время кормления грудью результат не точен. Я очень прошу вас сделать ее сегодня, и тогда сможете с чистой совестью забыть об этой процедуре до следующего года. Вы согласны?

Алекс посмотрела на часы. Ситуация начинала ее раздражать. Ей хотелось поскорее забрать Аннабель, зайти домой на ланч и отвести дочь в балетную школу.

– Боюсь, у меня сегодня слишком много дел, – промямлила она.

– Но это очень важно. Вы должны выкроить время, – тоном, не терпящим возражений, отчеканил Андерсон, и Алекс забеспокоилась.

– А что, есть основания? – спросила она.

Доктор всегда был внимателен, если бы он что-то нащупал, сообщил бы. А так лишь отрицательно покачал головой:

– Нет. Но я не хочу, чтобы в дальнейшем у вас были проблемы. Когда дело касается маммограммы, Алекс, не до шуток. Это очень важная процедура. Я вас прошу.

Он так настаивал, что у Алекс не хватило духу отказаться. И потом, подумала она, Андерсон прав – если она завтра или послезавтра забеременеет, каким бы невероятным ни казался подобный вариант развития событий, то на два года о маммограмме можно будет забыть, так что имеет смысл успеть сейчас.

– Куда мне идти? – сдалась она. Гинеколог написал на бумажке адрес. Оказалось, клиника, где делают маммограмму, находится всего лишь в пяти кварталах от его офиса, и туда легко можно добраться пешком.

– Вся процедура не займет у вас больше пяти минут, – подмигнул доктор.

– А результаты будут сразу? – забеспокоилась Алекс.

– Скорее всего, нет. Обычно доктор расшифровывает сразу несколько снимков. Но сейчас его может не быть на рабочем месте. В любом случае он позвонит мне на следующей неделе и сообщит результаты. Если будут какие-то проблемы, я, разумеется, с вами свяжусь. Уверен, что все в порядке. Но медицина есть медицина, Алекс. Здоровьем пренебрегать нельзя.

– Понимаю, – ответила она, глядя на доктора с благодарностью. Он был очень внимателен, и хотя ее раздражала необходимость регулярных визитов к нему, она знала, что все это не зря.

Из клиники Алекс позвонила Кармен и попросила ее забрать Аннабель из детского сада. Они договорились, что Алекс вернется домой к ланчу, а потом отведет дочь в балетную школу – по пути домой придется сделать крюк. Кармен с радостью согласилась.

Выйдя от Андерсона, Алекс быстрым шагом спустилась по Парк-авеню по направлению к 68-й улице. Клиника располагалась около парка, а за ней начинался район Лексингтон. В приемном покое царил суматоха. В коридоре сидело с десяток женщин. Периодически из кабинетов выходили медсестры и называли чьи-то фамилии. Алекс назвала секретарю свое имя, надеясь, что процедура не отнимет много времени. Алекс отметила, что большинство женщин, за исключением молодой девушки, сидевшей рядом, были ее возраста или старше.

Алекс рассеянно пролистала лежавший на столике журнал. Она уже успела несколько раз взглянуть на часы, когда в дверях приемной появилась женщина в белом халате и пригласила ее внутрь. Она произнесла имя Алекс как-то слишком громко и отстраненно, но Алекс проследовала за ней, не сказав ни слова. Ей совсем не нравилось, что врачи собираются искать у нее следы возможной болезни, и, расстегивая блузку, она поймала себя на том, что одновременно и злится, и дрожит от страха. Отвратительное ощущение. А вдруг она больна? Вдруг у нее обнаружат признаки какой-нибудь жуткой болезни? Алекс прогнала прочь дурные мысли и сказала себе, что ежегодная маммограмма – такая же формальность, как ежегодный мазок. Просто ее будут делать незнакомые люди, а не старый добрый доктор Джон Андерсон.

Пока она раздевалась, медсестра стояла рядом. Затем она протянула ей специальную рубашку и велела не застегивать пуговицы. Алекс объяснили, что нужно смыть с себя дезодорант и духи, и указали на небольшую раковину, рядом с которой лежала стопка полотенец. Затем медсестра указала на стоящий в углу прибор, напоминающий рентгеновский аппарат, только с пластиковым лотком и несколькими щитами, располагавшимися где-то в середине. Мечтая о том, чтобы все это поскорее закончилось, Алекс прошла к аппарату. Медсестра расположила одну ее грудь на лотке и медленно опустила на нее верхнюю часть аппарата, довольно сильно придавив. Неуклюже задрапировав руку Алекс, она велела ей не дышать, сделала два снимка, а затем повторила ту же процедуру с другой грудью. Процедура оказалась совершенно простой, и Алекс было скорее неприятно, чем больно. Если бы можно было тут же и узнать результаты. Но она и без того знала, что все с ней в порядке.

Алекс пулей вылетела из клиники, тут же поймала такси и успела домой как раз вовремя – Аннабель уже доедала ланч. Алекс торопливо одела дочку и повела в балетную школу. Вдруг она поняла, что правильно сделала, не пожалев времени на маммограмму. В конце концов, нельзя игнорировать статистику. Согласно различным данным, у каждой восьмой или каждой девятой женщины обнаруживали рак груди. На фоне столь пугающей статистики начинаешь еще больше ценить такие мелочи жизни, как, например, возможность отвести собственную дочь на занятия балетом. Какая же Алекс все-таки счастливая. Она нагнулась и поцеловала Аннабель. Они почти пришли в балетную школу.

– Мамочка, почему ты сегодня не забрала меня из садика? – жалобно спросила Аннабель. Сегодня Алекс нарушила привычный и любимый ритуал, а ее дочь очень болезненно такое воспринимала.

– Я пошла к врачу на прием и немного задержалась, солнышко мое. Прости меня, – сказала Алекс.

– Ты что, больна? – В глазах Аннабель отразились тревога и забота о матери.

– Что ты, дорогая, конечно, нет, – улыбнулась Алекс. – Но ходить к врачу нужно всем, даже мамам и папам.

– Доктор сделал тебе укол? – Аннабель не терпелось узнать подробности, и Алекс расхохоталась:

– Нет, мне не нужно никаких уколов, – покачала она головой. И добавила про себя: «Но грудь мне сплющили, как блинчик».

– Это хорошо, – с облегчением выдохнула Аннабель.

После занятий они зашли в кафе поесть мороженого, а потом не спеша отправились домой, обсуждая планы на выходные. Аннабель не хотела в зоопарк, как планировала Алекс. «Давай лучше пойдем на пляж, мамочка?» – предложила она. Алекс пришлось объяснять, что уже слишком холодно, чтобы купаться в море.

Вернувшись домой, Алекс включила видеомэгафон и вместе с дочерью улеглась на кровать в их с Сэмом спальне. Вся эта подготовка к процессу, визит к врачу, маммограмма – вконец измотали Алекс, поэтому возможность сейчас отдохнуть с дочерью показалась особенно приятной.

По пятницам Кармен уходила рано, и к приходу Сэма Алекс сама приготовила ужин. Он вернулся около семи, позже, чем обычно, поэтому Алекс уже успела накормить Аннабель. Они с мужем решили поужинать попозже и расположились на кухне в начале девятого. Ужин состоял из рыбы с жареным картофелем и салата. Сэм рассказал о ланче с англичанином, который оказался гораздо приятнее, чем он думал.

– Знаешь, теперь он мне даже нравится. Зря я волновался. Ларри и Том правы – он замечательный парень, и благодаря ему мы сможем заключить много прибыльных сделок на Ближнем Востоке. От него много пользы, хоть он и любит пустить пыль в глаза.

– А если не сможете? – с опаской спросила Алекс.

– Да точно сможем! – возразил Сэм. – Чего стоит перечень его клиентов в одной только Саудовской Аравии!

– Так твои ребята и туда за ним собираются? – Алекс играла в адвоката. Но Сэм, похоже, окончательно одобрил кандидатуру Саймона в качестве четвертого партнера.

– Ты уверен, Сэм? Еще вчера ты места себе не находил. Может быть, все-таки стоит довериться своему чутью? – уточнила Алекс. Сэм махнул рукой:

– Думаю, ложная тревога. Знаешь, мы сегодня три часа с ним болтали. Он хороший человек. Теперь я точно знаю. С его помощью мы заработаем миллиарды, – уверенно ответил Сэм.

– Не жадничай, – с усмешкой проворчала Алекс. – То есть теперь мы сможем купить замок на юге Франции?

– Нет, но дом в Нью-Йорке и особняк на Лонг-Айленде запросто, – со значением произнес Сэм.

– Которые нам совершенно ни к чему, – спокойно ответила Алекс, и Сэм улыбнулся. Он тоже не испытывал потребности в роскоши, но ему нравилось играть в эдакого баловня финансового мира. Благодаря грамотным вложениям он и заработал свою славу, которой теперь имел полное право наслаждаться. Репутация и успех много значили для Сэма. Но и прибыль имела большое значение, вот почему Алекс считала, что с новым партнером нужно быть осторожнее. Однако она доверяла Сэму. Если тот считает, что англичанин не подведет, значит, так и есть.

– Ну а как твои совещания по процессу? – спросил Сэм. – Подготовили материалы?

Его всегда волновало, как у Алекс дела на работе. До появления Аннабель их брак основывался на интересе к жизни друг друга.

– Все так, как надо. Думаю, мы выиграем. Вернее, надеюсь. Мой клиент заслуживает того, чтобы выиграть этот процесс, – ответила она.

– И он, конечно, выиграет – его же защищать будешь ты, – уверенным голосом сказал Сэм, и Алекс с нежностью чмокнула его в щеку. В красном свитере и джинсах муж выглядел на редкость привлекательно.

– Кстати, а что сказал твой доктор? – спохватился Сэм.

– Ничего нового. Мы снова перебрали все возможные варианты. Инъекции «Пергонала» меня по-прежнему пугают, «Серофен» делает раздражительной, а «зачатие в пробирке» слишком рискованно в сорок два года, хотя доктор говорит, что прецеденты были. Еще он предложил вариант с донорскими яйцеклетками, но затея эта мне совсем не нравится. Кроме того, доктор Андерсон предлагает попробовать искусственное оплодотворение твоей спермой – в следующем месяце. Он считает, что это отличный шанс забеременеть. Что ты на это скажешь? – с некоторым смущением спросила Алекс, и Сэм улыбнулся:

– Что ж, если понадобится, я готов. Развлекаться в одиночестве, просматривая грязные журнальчики, – не самое мое любимое занятие, но если по-другому никак, я не против.

– О, мой потрясающий муж, как же я тебя люблю! – Алекс поцеловала Сэма, и тот ответил ей еще более страстным поцелуем. Дальше зайти они не могли – утром Алекс сделала тест, и реактив не окрасился в голубой.

– Что у нас с планами на выходные? – спросил Сэм.

– Андерсон сказал, надо ждать «голубого сигнала». Еще рано, но, думаю, завтра утром у меня будет овуляция. А еще Андерсон заставил меня сделать маммограмму – если я забеременею, то в течение двух лет ее будет делать нельзя. Естественно, это было совершенно некстати, и мне пришлось попросить Кармен забрать Аннабель из сада вместо меня, но все прошло быстро и не больно. Вообще странная процедура. Я подумала, что моя маммограмма может показать что-нибудь нехорошее, и страшно перепугалась, – призналась Алекс.

– Но в итоге результаты нормальные? – спросил Сэм. Эта беседа явно не доставляла ему удовольствия, и Алекс ободряюще улыбнулась.

– Я уверена, что все прекрасно. Понимаешь, результаты будут известны только на следующей неделе. Врача-рентгенолога не было на месте в тот момент, когда я пришла, так что он позвонит моему врачу сам. Андерсон пальпировал мне грудь – ничего подозрительного. Это просто формальность. Бдительность превыше всего.

– А это больно? – продолжал расспрашивать Сэм, в его голосе звучало не только любопытство, но и испуг.

– Да нет. Они просто очень сильно расплющивают грудь в специальном аппарате и делают снимки. Сама процедура какая-то унижительная, почему – не знаю. Я чувствовала себя беззащитной и глупой – не могла дожидаться, когда уже все кончится. Знаешь, когда я вернулась домой и увидела Аннабель, почувствовала себя невероятно счастливой. Мне как будто напомнили, как сильно мне повезло, что я здорова. Должна сказать, напомнили не самым приятным образом.

– Не бери в голову. С тобой ничего подобного никогда не случится, – решительно произнес Сэм, помогая Алекс убирать со стола.

Потом они выпили по бокалу вина, посмотрели телевизор и легли спать раньше обычного – у обоих была тяжелая неделя, и Алекс хотела немного отдохнуть перед новой попыткой зачать ребенка.

Как она и предполагала, на следующее утро реактив окрасился в голубой цвет. Когда они завтракали, Алекс шепнула об этом Сэму на ушко. Кармен повела Аннабель гулять в парк, а Сэм и Алекс вернулись в спальню и приступили к делу. После этого Алекс еще почти час лежала в постели, подложив под нижнюю часть тела подушки. Она где-то вычитала, что это помогает забеременеть. Перед ланчем Сэм зашел в спальню, чтобы еще разок обнять свою жену, – Алекс, все еще сонная, но счастливая, сладко потянулась.

– Ты собираешься целый день проваляться в постели? – насмешливо спросил Сэм, осторожно прикасаясь губами к ее шее, так что Алекс почувствовала новую волну возбуждения.

– При таком стимуле – запросто.

– А когда мы снова поиграем в эту игру? – спросил Сэм, который хотел заняться любовью не меньше.

– Весь завтрашний день в нашем распоряжении, – подмигнула Алекс.

– А сегодня днем? – спросил Сэм хриплым голосом. Он поцеловал жену, и она рассмеялась. – По-моему, нам нужно больше практиковаться, – прошептал Сэм, сознавая, однако, что на сегодня с них хватит практики.

Он отправился в душ, а Алекс подремала пару минут, но вскоре присоединилась к мужу. Увидев рядом жену, Сэм просто потерял голову от желания. С огромным трудом они с Алекс удержались, чтобы опять не заняться любовью. Искушение было сильным – они до сих пор любили друг друга так, словно только что познакомились.

– Может, плюнем на эти чертовы правила и просто займемся любовью? – проворковал Сэм Алекс на ухо, прижимая ее к своему телу под горячими струями воды. Он целовал ее, и Алекс чувствовала на языке горячие капли. – Я так сильно тебя люблю!

– Я тоже, – произнесла Алекс голосом, полным желанием, чувствуя тело Сэма совсем рядом. – Сэм, я так тебя хочу.

– Нет, нет, нет, – подразнил ее Сэм. Свободной рукой он обхватил кран, и из душа брызнула ледяная вода. Алекс взвизгнула. Они оба рассмеялись и пулей выскочили из душевой кабинки.

Когда Кармен и Аннабель вернулись с прогулки, Сэм и Алекс, уже одетые, спокойно пили кофе и читали газеты. Кармен приготовила ланч. После еды семейство снова отправилось в парк, а потом ужинать в ресторан «J.G.Melon». Они любили иногда заглядывать туда в выходные. В воскресенье они решили покататься на велосипедах. Аннабель, в специальном детском кресле, расположилась за спиной Сэма. Погода не подвела, и вечером, вспоминая прошедшие выходные, Алекс, Сэм и Аннабель решили, что прекрасно провели время.

Как только Аннабель уснула, Сэм вернулся в спальню, запер дверь и стал медленно снимать с Алекс одежду, пока она не оказалась перед ним обнаженной. Алекс выглядела изящно, как нежный цветок лотоса. Сэм смотрел на нее и понимал, что никто, кроме нее, ему не нужен, он воцарился над ней и пылал страстью. Эта женщина заставила его открыть в себе так много новых качеств, и с каждым днем он любил и хотел ее все сильнее. Иногда Сэму казалось, что невозможно любить сильнее, чем он любил Алекс, но каждый раз словно открывал в своей душе тайник с новыми, неизведанными ощущениями.

– Ах, если теперь я не забеременею, точно брошу все это, – тихим голосом прошептала Алекс, устроив голову на его плече. Сэм с нежностью провел ладонью по ее груди.

– Я люблю тебя, Алекс, – ласково произнес он и поднял голову, чтобы рассмотреть свою жену целиком. Она была так красива и так совершенна.

– Я тоже тебя люблю, Сэм. Я люблю тебя еще больше, – подразнила его Алекс, и он с улыбкой покачал головой:

– Невозможно любить больше, чем я.

Их губы слились в поцелуе. Через несколько мгновений они уже крепко спали в объятиях друг друга. И было совершенно не важно – удалось ли зачать второго ребенка или нет.

Глава 4

Наутро Алекс проснулась раньше Сэма и Аннабель. Она оделась, приготовила завтрак и вскипятила чайник, после чего разбудила мужа и дочь. Алекс помогла Аннабель одеться, но отвести ее в садик предстояло Сэму, потому что Алекс хотела попасть на работу как можно раньше. У нее была куча дел, к тому же по процессу, назначенному на среду, еще оставались детали, которые нужно обсудить. Кроме того, Алекс предстояла встреча с Мэтью Биллингсом по поводу нескольких исков. Для Брока Стивенса и остальных помощников день обещал быть не менее жарким.

– Я, скорее всего, сегодня задержусь допоздна, – объяснила она Сэму. Тот посмотрел на нее с пониманием. А вот Аннабель, услышав это, опечалилась.

– Почему? – спросила она, пристально глядя на маму огромными зелеными глазами. Она терпеть не могла, когда Алекс приходила домой поздно; впрочем, нельзя сказать, что и Алекс была от этого в восторге.

– Мне надо подготовиться к процессу, зайка. Пойти в суд и поговорить с судьей, – ответила она.

– А по телефону ты ему позвонить не можешь? – спросила расстроенная Аннабель. Алекс улыбнулась. Она обняла и поцеловала дочку на прощание, пообещав, что постарается вернуться домой как можно раньше:

– Я позвоню тебе, когда будешь дома. Удачи тебе, милая. Проведи хорошо время в садике, ладно? Обещаешь?

Алекс взяла дочку за подбородок, и Аннабель кивнула, не отрывая от нее глаз.

– А как же мой костюм для Хэллоуина? – спохватилась девочка.

– Придумаем что-нибудь, я обещаю. – Иногда Алекс казалось, что она вот-вот разорвется между семьей и карьерой. Мелькнула мысль: интересно, как она справится с двумя детьми? Впрочем, как-то же другие люди справляются.

В половине восьмого утра Алекс накинула пальто и вышла из дома. Такси неслось по Парк-авеню, не встретив на своем пути никаких препятствий, и в офис Алекс вошла без четверти восемь. К восьми часам она уже успела закопаться в бумаги. Брок Стивенс принес кофе. К половине одиннадцатого Алекс наконец удостоверилась, что полностью готова к назначенному на среду процессу над Джеком Шульцем.

– Что там по поводу всего остального? – рассеянно спросила она Брока, просматривая материалы по другим делам, с которыми ей требовалась его помощь. Правда, большую часть он уже привел в порядок, но за выходные Алекс в голову пришло несколько новых идей. Но она едва успела поделиться ими с Броком, как дверь приоткрылась, и в проеме возникла Элизабет Хэзкомб. Алекс знаком показала, чтобы та ее не отвлекала. Алекс специально отключила телефон еще до прихода Брока и попросила Лиз не мешать ей.

Лиз, однако, не уходила, не обращая внимания на суровый взгляд Алекс. Брок тоже повернулся – ему стало интересно, что отвлекло Алекс.

– Что такое? – раздраженно спросила Алекс. – Лиз, я же просила не мешать.

– Знаю, простите меня, ради бога, но... – извиняющимся голосом заговорила Лиз.

– Сэм или Аннабель? – с ужасом спросила Алекс, но Лиз отрицательно покачала головой. – Тогда это может подождать.

С этими словами Алекс отвернулась и немедленно забыла о своей секретарше. Лиз, однако, не унималась:

– Звонил доктор Андерсон. Дважды. Он просил сказать, чтобы вы перезвонили.

– Доктор Андерсон? Господи, Лиз! – совсем разозлилась Алекс.

Да, он собирался звонить ей по поводу маммограммы – наверное, хотел успокоить. Но зачем же мешать ей работать? Чепуха какая-то.

– Подождет. Позвоню ему во время перерыва на ланч, если только он будет. Если нет – то позже, – отрезала Алекс.

– Он сказал, что хочет поговорить с вами сегодня до полудня, – упорствовала Лиз.

Часы показывали половину двенадцатого. Присутствие Лиз начинало выводить Алекс из себя. Хотя при чем тут она? Это же доктор Андерсон настаивает, что им надо поговорить, и ради этого разговора собирается оторвать Алекс от работы. А Лиз просто поверила ему на слово. Алекс была убеждена, что этот звонок – простая формальность, ради которой не стоит отвлекаться от более важных дел. Но, с другой стороны – а вдруг у него плохие новости? От одной мысли Алекс стало не по себе.

– Я позвоню, когда освобожусь. Спасибо, Лиз, – многозначительно произнесла она и снова повернулась к Броку, который, похоже, тоже забеспокоился:

– Может быть, ты все-таки позвонишь сейчас? Наверное, это что-то важное, раз он решил тебя отвлечь.

– Не дури. У нас полно работы, – отрезала Алекс.

– А я пока пойду выпью еще кофе. И тебе сварю, пока будешь звонить. Это займет не больше пары минут.

Алекс открыла было рот, чтобы возразить, но тут вдруг поняла, что теперь ни она, ни Брок не смогут вернуться к работе, пока она не перезвонит доктору Андерсону.

– Ради всего святого! Все это просто смешотворно. Ну ладно, тогда, пожалуйста, сделай мне еще чашечку кофе. Продолжим через пять минут.

Было тридцать пять минут первого. Брок и помощники покинули комнату. Уходили драгоценные минуты – у них все еще оставалась куча дел. Алекс проводила взглядом выходящих из кабинета помощников и быстро набрала номер врача, мечтая только об одном – как можно быстрее закончить этот разговор.

Трубку сняла секретарша. Сказав, что сейчас соединит Алекс с доктором, она, казалось, минуты три держала ее на проводе, прежде чем тот подошел к телефону. Ожидание показалось Алекс бесконечным – у нее была масса дел, а такая срочность заставила ее начать волноваться: а что, если действительно что-то не так? Глупые мысли, но ведь всякое бывает. Как, словно молния, уже поразил не одну женщину до нее.

– Алекс? – В трубке раздался голос доктора Андерсона. Казалось, что дел у него в своей клинике не меньше, чем у Алекс в конторе.

– Привет, Джон. Что вы такое хотите мне сообщить? – живо поинтересовалась Алекс.

– Если можете, приезжайте ко мне во время ланча, – из его голоса и интонации ничего невозможно было понять.

– Исключено. У меня процесс через два дня, и вы не представляете, как много всего надо сделать. Я пришла на работу без четверти восемь, а уйду, скорее всего, часов в десять. Разве мы не можем все обсудить по телефону?

– Не думаю. Вы обязательно должны прийти, – заверил ее Андерсон.

Черт возьми! Что бы это могло значить? Алекс вдруг почувствовала, как дрожит ее рука.

– Что-то не так? – тихо спросила Алекс, не решаясь произнести вертевшееся на языке слово. – С маммограммой что-то не то?

Этого не может быть. У нее же никогда не было никаких уплотнений. Доктор Андерсон несколько мгновений молчал, но потом все же ответил:

– Лучше приезжайте, и мы все обсудим.

Совершенно очевидно, он не собирается говорить с ней по телефону, и Алекс почему-то не смогла настоять на своем.

– Сколько вам нужно времени? – спросила она, взглянув на часы и прикидывая, сможет ли она выполнить просьбу врача. Во время ланча даже доехать до клиники будет проблематично.

– Полчаса. Совсем недолго. Вы можете приехать прямо сейчас? Я только что отпустил последнюю пациентку. Остались только пациентка в больнице и роженица на ранней стадии. Так что лучше всего вам приехать сейчас.

– Я буду через пять-десять минут, – быстро сказала Алекс. Она готова была в любую секунду повесить трубку. Внезапно сердце ее встревоженно заколотилось: что-то явно не так. Что бы это ни было, ей хотелось поскорее узнать. Может быть, ее результаты перепутались с чьими-то еще?

– Спасибо, Алекс. Я постараюсь вас долго не задерживать.

– Я еду. – Алекс схватила пальто и портфель. Пробегая мимо Лиз, Алекс бросила ей: – Когда Брок и все остальные вернутся, скажите им, чтобы сходили куда-нибудь поесть. Буду через сорок пять минут.

Она уже подошла к лифту, когда услышала обеспокоенный голос Лиз:

– У вас все в порядке?

– Да. Закажите мне сандвич с индейкой, – крикнула Алекс.

Провожая ее взглядом, Лиз подумала, что Алекс, наверное, беременна. Она знала, что ее начальница хочет завести еще одного ребенка, а доктор Джон Андерсон – ее гинеколог.

Но Алекс чувствовала, что речь пойдет не об этом. Сидя в такси, она лихорадочно раздумывала о звонке врача. Неужели и правда маммограмма? Или мазок? Да, наверное, мазок. Черт возьми. У нее рак матки. И как же она теперь забеременеет? Правда, некоторые ее знакомые с предраковым состоянием смогли зачать даже после лечения лазером и заморозкой. Может быть, все еще не так плохо. Она хотела знать – в опасности ли ее жизнь и сможет ли она иметь еще одного ребенка.

Наконец такси остановилось у дверей офиса, и Алекс стремительно ворвалась в пустую приемную. Доктор Андерсон провел ее прямо в кабинет. Вместо белого халата на нем был костюм, и он выглядел очень серьезным.

– Здравствуйте, Джон, – задыхаясь, выпалила недовольная Алекс и уселась на стул, как была – в плаще. Андерсон улыбнулся:

– Спасибо, что смогли выкроить время. Но я считаю, что это необходимо. Я хотел поговорить с вами лично.

– Это мазок? – спросила она, чувствуя, как снова начинает сильно биться сердце. Ее ладони вспотели, а пальцы судорожно сжали сумочку. Гинеколог отрицательно покачал головой:

– Нет. Маммограмма.

Доктор включил проектор и поочередно вставил туда два снимка – вид спереди и сбоку. Алекс ничего не понимала – снимки напоминали карту погоды над Атлантой. Андерсон повернулся к ней и, показывая на темное пятно, которого Алекс без него даже не заметила бы, с болью в голосе произнес:

– Вот здесь – уплотнение. Очень большое и глубокое. Это может оказаться чем угодно, но рентгенолог и я очень беспокоимся.

– Что значит «чем угодно»? – в смятении спросила Алекс.

Может быть, она что-то не так поняла? Что это еще за уплотнение в глубине ее груди? Откуда оно взялось?

– Это может быть что угодно, Алекс, но уплотнение такой величины в этой области ничего хорошего не означает. Мы считаем, что у вас опухоль.

– Милостивый Боже. – Теперь Алекс поняла, почему он не хотел обсуждать это по телефону и настоял на том, чтобы Лиз сообщила ей лично.

– И что все это значит? Что со мной теперь будет? – слабым голосом спросила Алекс, бледная, как мел. На мгновение ей показалось, что сейчас она вот-вот упадет в обморок, но она смогла пересилить себя.

– Вам нужно как можно скорее сделать биопсию. Лучше всего на этой неделе.

– Через два дня у меня процесс. Пока он не закончится, я не смогу.

Она словно надеялась, что опухоль исчезнет сама собой, но оба знали, что это невозможно.

– Вы не можете отказаться от биопсии, – заявил Андерсон.

– Я не могу бросить своего клиента. Неужели несколько дней имеют такое значение?

Алекс была в ужасе. Что он пытается ей сказать? Что она умирает? От одной мысли об этом она содрогнулась.

– Конечно, несколько дней большого значения не имеют, – неохотно признался доктор, – но вообще не обращать на это внимания преступно. Вы должны найти хирурга и сделать биопсию как можно скорее, а потом, в зависимости от результатов, он скажет, что делать дальше.

Ужас. Как это страшно. И сложно.

– А разве вы сами не можете сделать биопсию? – испуганным голосом спросила отчаявшаяся Алекс. Она чувствовала себя такой же растерянной, как в тот момент, когда переступила порог маммографической лаборатории. А теперь случилось самое худшее. Вернее, почти случилось – это происходит с ней прямо сейчас, словно кто-то прокручивает перед глазами фильм ужасов.

– Это не моя специализация. Вам нужен хирург, – ответил доктор Андерсон и начал что-то писать на листке бумаги.

Алекс взглянула на часы и обомлела, поняв, что провела в его кабинете уже больше получаса. Но теперь она просто не могла уйти – за эти полчаса вся ее жизнь круто изменилась. Андерсон тем временем дописал и протянул ей листок:

– Здесь имена трех очень хороших хирургов. Один из них женщина, остальные двое – мужчины. Поговорите с ними и выберите того, кто вам больше понравится. Они прекрасные специалисты.

Хирурги!

– У меня нет на это времени, – заплакала Алекс неожиданно для себя. Все это было просто ужасно – она ощутила себя подавленной и совершенно беспомощной. – Мне вообще некогда выбирать врача. У меня процесс, я не могу взять и все бросить. В конце концов, у меня есть обязательства.

Алекс почувствовала, что на грани истерики, но ничего не смогла с собой поделать. И тут она вдруг взглянула на доктора полными ужаса глазами:

– А она может быть злокачественной?

– Возможно, – честно признался Андерсон, картина на снимке не предвещала ничего хорошего. – Конкретно сказать ничего не могу, пока не получим результаты биопсии. Вы должны сделать ее как можно скорее, чтобы мы могли выработать план действий.

– Что? – не поняла Алекс.

– Если биопсия покажет, что у вас рак, надо будет срочно определиться с лечением. Конечно, хирург предложит решения, но кое-что вам придется решать самой.

– Вы имеете в виду – удалять мне грудь или нет? – испугалась Алекс. Ее голос стал непривычно резким.

– Давайте не забегать вперед. Мы же ничего еще не знаем, правда ведь? – Доктор разговаривал с ней таким подчеркнuto спокойным голосом, что от этого стало только хуже. Алекс хотела, чтобы он поклялся, что опухоль не злокачественная. Но как он мог быть в этом уверен?

– Мы уже знаем, что глубоко в груди у меня уплотнение и что вам не нравится то, что вы видите на снимке. Разве это все не говорит в пользу удаления груди? – отрезала Алекс. Словно для нее Андерсон сейчас стал обвиняемым на скамье подсудимых.

– Возможно, – в голосе доктора явно слышалось сочувствие. Алекс всегда ему нравилась. А такое известие может подкосить любую женщину, даже самую сильную.

– И что? Что дальше? Болезнь пройдет, как только грудь удалят?

– Может быть, но стопроцентных гарантий никто не даст. Ах, Алекс, если бы все было так просто! Многое зависит от типа опухоли, ее размера и того, злокачественная она или нет. Кроме того, нужно первым делом выяснить, не затронуты ли лимфатические узлы, и, если да, в какой степени, успела ли опухоль дать метастазы. Алекс, тут не может быть однозначных ответов. Может быть, вам нужна операция, а может, химиотерапия или облучение. Я просто не знаю. Пока нет результатов биопсии, я ничего не могу сказать. И как бы вы ни были заняты, постарайтесь найти время и поговорить с этими хирургами. Вы должны.

– В течение какого времени? – спросила Алекс сдавленным голосом.

– Занимайтесь вашим процессом, если не можете его бросить и если он не продлится более двух недель. Но в любом случае вы должны успеть сделать биопсию в течение этого срока. От ее результатов и будем отталкиваться в дальнейшем.

– Кто из этих троих самый лучший? – спросила она, протянув доктору листок.

– Они все великолепные врачи, но я больше всех ценю Питера Германа. Он очень хороший человек – прежде всего человек, а потом уже хирург. Его волнуют не только операции и биопсия.

– Замечательно, – машинально откликнулась Алекс. – Позвоню ему завтра.

– Почему же не сегодня? – Андерсон давил на нее, чувствуя, что правда на его стороне. Ему не хотелось, чтобы Алекс использовала работу как оправдание и отказывалась в этом признаться.

– Хорошо, чуть попозже, – сдалась Алекс. И тут ей пришла в голову самая душераздирающая мысль. Алекс снова посмотрела доктору в глаза. – А если мне удалось зачать ребенка в эти выходные? Что, если я беременна, а у меня злокачественная опухоль?

– Это мы пойдем ближе к делу. Беременны ли вы – это выяснится тогда, когда будут получены результаты биопсии, – сказал Андерсон.

– А если я беременна и у меня рак? – ошеломленно спросила Алекс. Неужели, если она забеременела, ей придется пожертвовать ребенком?

– Разумеется, жизнь матери в данном случае важнее.

– О Господи, – Алекс закрыла лицо руками. Потом она снова посмотрела на врача. – Как вы считаете, могли тут сыграть роль те гормональные препараты, которые я пью?

Одна мысль об этом заставила ее покрыться ледяным потом. Неужели, пытаясь забеременеть, она все только усугубила?

– Честно говоря, не думаю. Позвоните Питеру Герману. Встретьтесь с ним как можно скорее, поговорите и сделайте биопсию – время не ждет.

План действий звучал вполне разумно. Подумать только – вечером Алекс вернется домой и расскажет Сэму, что на ее маммограмме доктор увидел опухоль. Это не укладывалось в голове, но у нее действительно опухоль. И все очень серьезно. Это можно понять и по снимку, и по напряженному взгляду Андерсона. Похоже, для него этот разговор оказался не менее мучительным. Алекс провела в его кабинете уже почти целый час.

– Я вам очень сочувствую, Алекс. Если я что-то могу для вас сделать, обязательно позвоните. Сообщите, какого хирурга вы выбрали, и я с ним тоже свяжусь.

– Начну с Питера Германа.

Доктор протянул ей снимки. Уже само слово «хирург» звучало довольно зловеще. Алекс срочно захотелось на воздух. Выйдя из клиники – туда, в теплый октябрьский день, –

она остановилась перевести дух. Алекс почувствовала, что ее словно дубиной огрели. Ей с трудом верилось в то, что она только что услышала.

Она поймала такси, пытаясь не думать о тех жутких рассказах, которые слышала, – о тяжелых последствиях операции, о женщинах, которые больше не могли поднимать руку, или о тех, кому ни химиотерапия, ни операция не помогли. Внезапно все смешалось в голове, и на пути в офис у нее даже не было сил плакать. Она лишь тупо уставилась вперед, не в состоянии переварить то, что ей сообщил доктор Андерсон.

Войдя в кабинет, она обнаружила, что Лиз, Брок, клерк и два помощника уже здесь и ждут ее. Лиз заказала ей сандвич с индейкой, но съесть его Алекс так и не смогла. Она села на стул и некоторое время лишь молча смотрела на своих коллег. Брок заметил, насколько бледно ее лицо, но ничего не сказал. Они принялись за работу и закончили только к шести вечера. Наконец, после подведения итогов, когда все остальные ушли, Брок осмелился осторожно спросить:

– У тебя все нормально?

Алекс выглядела не лучшим образом – она вернулась от врача белой, как мел, а когда она передавала ему бумаги, руки ее дрожали так сильно, что не заметить это было невозможно.

– Да, все в порядке. Почему ты спрашиваешь? – Алекс напустила на себя беспечный вид, но актриса из нее получилась никакая. Брок сразу догадался, что что-то не так, но приставать к Алекс с лишними вопросами не стал. Лишь ограничился парой фраз:

– Ты выглядишь совсем измотанной. Может быть, не стоит браться сразу за такую кучу дел, миссис Паркер? Что сказал врач?

– Ничего особенного. Зря проездила только. Доктор Андерсон просто сообщил мне результаты последнего обследования. Ты знаешь врачей – они терпеть не могут говорить по телефону. Такая глупость – он мог бы отправить результаты по почте, и всем нам было бы намного удобнее, – с притворным гневом произнесла Алекс. Брок не поверил ни единому слову, но понял, что она хочет его успокоить. Он надеялся, что с Алекс не произошло ничего серьезного. Иначе начинающийся через два дня процесс будет совершенно некстати. Брок не осмелился спросить, в состоянии ли она вести процесс, потому что знал, что Алекс может обидеться.

– Ты домой? – переживая за ее психику, спросил Брок. У него самого еще была куча работы по процессу, но и на столе Алекс лежала груда папок, свидетельствовавших, что уйдет домой она не скоро.

– Я еще должна посмотреть пару других дел, – Алекс собиралась связаться со всеми, кто звонил ей сегодня, пока она была у врача. Времени позвонить хирургу у нее не нашлось – так, во всяком случае, она себе сказала сама и решила, что позвонит Герману завтра.

– Я могу чем-нибудь помочь? Тебе надо пойти домой и отдохнуть, – настаивал Брок, но Алекс решительно покачала головой. Брок ушел в свой офис, а Алекс позвонила домой, чтобы поговорить с Аннабель. По голосу ее дочурки чувствовалось – та очень расстроилась, что ее мама не позвонила днем.

– Ты же обещала, – с укоризной сказала Аннабель, и Алекс тут же почувствовала себя виноватой.

– Прости, родная. Я собиралась, но не смогла, нужно было встретиться с кучей людей, – произнесла она тихим голосом.

– Ничего, мамочка, – ответила Аннабель и рассказала Алекс, что они с Кармен сегодня делали. Алекс физически ощутила ревность, слушая, как весело ее дочери без нее, и с отвращением подумала, что сейчас должна объяснить Аннабель, что задержится на работе. Находиться вдали от дочери вдруг стало для нее пыткой.

– Ты вернешься до того, как я лягу спать? – с надеждой спросила Аннабель. Алекс вздохнула, про себя моля Бога, чтобы затемнение на снимке не оказалось раковой опухолью.

– Я вернусь поздно, но обязательно зайду сказать «спокойной ночи», обещаю. А завтра утром я тебя разбудю. Это всего на две недели, а потом мы снова будем видеться во время ланча и ужина, – с нежностью произнесла Алекс.

– А в балетную школу ты меня в пятницу отведешь? – не отставала Аннабель, и Алекс даже подумала: «Интересно, а про Сэма она забыла? Где он?» Вслух же она сказала: – Не получится. Мы же говорили об этом, помнишь? На этой неделе и на следующей я буду разговаривать с судьей, поэтому не смогу отвести тебя в балетную школу.

– А ты не можешь попросить судью отпустить тебя? – умоляла Аннабель.

– Нет, зайка. Но очень хотелось бы. А где папа? Он дома уже? – спросила Алекс.

– Папа спит, – ответила ее дочь.

– Уже? – удивилась Алекс. Было всего семь вечера. С чего это Сэм вдруг лег спать так рано?

– Он смотрел телевизор и уснул. Кармен сказала, что посидит со мной, пока ты не вернешься.

– Дай ей трубку. И еще. Знаешь, дорогая... – Алекс запнулась и внезапно всхлипнула, подумав про свою прекрасную дочурку, ее веснушчатое личико маленькой феи, огромные глаза и ярко-рыжие волосы. А вдруг она умрет, и тогда Аннабель останется без матери? Эта мысль показалась настолько жуткой, что лишь через пару мгновений она смогла проговорить, почти шепотом:

– Я люблю тебя, Аннабель.

– Я тоже тебя люблю, мама. До встречи, – ласково сказала Аннабель.

– Спокойной ночи.

К телефону подошла Кармен:

– Да, миссис Паркер?

– Когда уложите Аннабель, можете быть свободны. Просто разбудите Сэма и скажите, что уходите, хорошо?

– Мне не хочется будить его, мэм. Лучше я дождусь вас.

– Я приду очень не скоро, Кармен. Разбудите его, когда захотите уйти. Все нормально.

– Что ж, хорошо. Когда вы вернетесь?

– Думаю, не раньше десяти. У меня масса дел.

– Я вас поняла, мэм.

Алекс повесила трубу и некоторое время тупо смотрела на телефон. Она стала думать о Сэме и Аннабель так, как будто уже их потеряла. В этот день между ними словно легла пропасть. Ее муж и дочь живы и здоровы, а Алекс может умереть. В это невозможно поверить, просто в голове не укладывается! Она все еще надеялась, что тут какая-то ошибка, что она не больна, что никакой опухоли нет, а есть всего лишь затемнение на снимке, и только. Еще только вчера единственной проблемой Алекс было то, что она никак не может забеременеть, а сегодня оказалась под угрозой ее жизнь. Из-за гормональных препаратов, которые она приняла на прошлой неделе, ее реакция на происходящее стала еще более острой.

В девять часов к ней снова заглянул Брок. Он заметил, что к сэндвичу, который Лиз принесла ей еще во время перерыва на ланч, Алекс так и не притронулась. Зато она уже выпила несколько чашек кофе, а сейчас крупными глотками пила воду из огромного стакана.

– Если ты не поешь, тебе будет совсем плохо, – ворчливо произнес Брок, тревожно взглянув на свою начальницу. Алекс выглядела еще хуже, чем днем, – теперь ее лицо приобрело землистый оттенок.

– Не хочу есть. Точнее, просто замоталась и совсем забыла об этом, так много дел, – еле слышно произнесла она.

– Это не оправдание. Как ты собираешься защищать Джека Шульца, если заболеешь прямо перед процессом или в самом разгаре? – пожурил ее Брок.

– Ты прав, – рассеянно ответила Алекс, а потом вдруг взглянула на него взволнованно. – Но ведь ты сможешь, если потребуется, подменить меня.

– Я даже слышать об этом не хочу. Это с тобой они договорились. И деньги платят за то, чтобы Шульца защищала именно ты.

Алекс вдруг подумала, что днем говорила доктору Андерсону эти же слова. Чья-то судьба зависела от нее. Потом она вспомнила об Аннабель и Сэме, и в горле встал ком. Все разладилось. На нее свалилось столько всего.

– Давай ты пойдешь домой, а я тут все доделаю, – ободряюще произнес Брок. – Не надо себя так накручивать. Все под контролем, поверь мне.

Через полчаса ему все-таки удалось ее выпроводить из офиса. Все равно у нее все из рук валилось, и думать сил не было. Впервые в жизни Алекс забыла на работе свой портфель с бумагами. Брок заметил это, но не стал ничего говорить. Глядя начальнице вслед, Брок искренне ей посочувствовал. Было ясно, что что-то не так, – Алекс еще никогда не выглядела настолько опустошенной. Общайся они более тесно, он бы непременно спросил, в чем дело, и предложил помощь.

В такси Алекс в изнеможении откинулась на спинку сиденья. Казалось, ее голова налилась свинцом, и шея просто не выдерживала такой вес. Такси подъехало к дому. Расплатившись, она еле доковыляла до лифта. Поднимаясь на этаж, она думала, что же скажет Сэму. Он наверняка будет в полном шоке, как и все остальные. Затемнение на рентгеновском снимке – серьезный повод для беспокойства, особенно если знать статистику заболеваемости раком груди. Алекс даже не могла представить, как ее муж воспримет новость, что у нее опухоль.

Когда она вошла в квартиру, Сэм смотрел телевизор в гостиной. Увидев ее, он приподнялся и улыбнулся. На нем были джинсы и белая рабочая рубашка. Рядом на столе лежал его галстук.

– Как прошел день? – радостно поинтересовался он, потянувшись к ней, чтобы поцеловать. Алекс тяжело опустилась на диван. Она посмотрела на своего мужа, и вдруг ее снова захлестнула волна ужаса. Алекс с трудом подавила слезы – все это слишком тяжело.

– Похоже, денек и впрямь выдался напряженный... – протянул Сэм. А потом, вспомнив, что Алекс на гормонах, воскликнул:

– Бедная моя, у тебя опять истерика из-за этих чертовых пилюль? Может быть, тебе перестать их принимать?

Алекс вздохнула: помимо подготовки к процессу и своих проблем со здоровьем, ей нужно разобраться с таким огромным количеством всего! Сэм заключил ее в свои объятия, и она вцепилась в него, словно утопающая в спасательный круг.

– Выглядишь неважно, подруга, – сочувственно сказал муж.

Алекс подняла на него глаза и вытерла слезы. Сэм прав – таблетки заставляют ее смотреть на вещи еще более пессимистично. Или все действительно *настолько* плохо?

– Милая, ты так еще до суда с ума сойдешь! – укоризненно произнес Сэм.

– Уже схожу. День был просто сумасшедший, – призналась Алекс. В полном упадке сил она прилегла на диван.

– Не хочу тебя обижать, но ты выглядишь и вправду так, как будто из психушки вернулась. Ты хоть ужинала сегодня?

Алекс покачала головой:

– Не хотелось.

– Отлично. И как, скажи на милость, ты собираешься забеременеть, если моришь себя голодом? Ну-ка, вставай! – Он попытался заставить ее подняться с дивана. – Приготовлю тебе омлет.

– Не надо. Я не голодна, правда. Просто я очень устала. Давай просто ляжем спать? – еле слышно произнесла Алекс. Ей и вправду больше ничего не хотелось. Только взглянуть на Аннабель. И лечь в постель, к Сэму. И не вылезать из-под одеяла как можно дольше. А лучше вообще остаться там навсегда.

– Проблемы на работе? – Сэму вдруг стало любопытно, почему Алекс выглядит намного хуже, чем обычно. Даже во время подготовки к процессам она никогда еще не выглядела настолько разбитой. Но Алекс проигнорировала его вопрос. Она встала и на цыпочках прокралась в комнату Аннабель, постояла у кровати, глядя на спящую дочь, а потом нагнулась и поцеловала ее. После она ушла в спальню. Обеспокоенный Сэм смотрел, как она раздевается и надевает ночную рубашку. Она не стала даже принимать душ и расчесывать волосы. Почистив зубы, Алекс забралась в постель и закрыла глаза, зная, что пришло время рассказать обо всем Сэму.

– Дорогая, – снова попытался он выяснить, что с ней происходит. – У тебя какие-то проблемы на работе?

Сэм знал, что жена относится к своей работе крайне серьезно, поэтому подумал, что она допустила какую-нибудь ошибку и теперь мучается из-за этого. Но Алекс поспешно опровергла эту теорию, покачав головой.

– Звонил Андерсон, – тихо сказала она. Сэм внимательно посмотрел ей в глаза:

– И что?

– Во время ланча я ездила к нему.

– Зачем? Не потому ли, что до сих пор не беременна? – подмигнул Сэм. Он усмехнулся – прошло ведь только два дня, а Алекс уже торопится иметь ребенка.

Алекс долго молчала, у нее просто не хватало сил говорить эти ужасные слова, потому что от этого происходивший с ней кошмар становился еще более явным и отчетливым. Но не сказать Сэму она не могла.

– Доктор Андерсон заметил на моей маммограмме затемнение, – произнесла Алекс с траурной интонацией. Сэма же это известие почти не впечатлило. Он пожал плечами:

– И что?

– Возможно, это опухоль, – всхлипнула она.

– Возможно? Ага, конечно. А ровно в полночь в Парк-авеню приземлится космический корабль с Марса. Возможно ли это? Вряд ли. Так же, как и то, что это затемнение – опухоль.

Алекс понравилось, как Сэм воспринял сказанное ей. Благодаря такой его реакции она снова поверила в собственный организм, который, как ей казалось, последние несколько часов ее подводил. Может быть, с ней все нормально и Сэм прав? Может, она просто перенервничала и восприняла все слишком болезненно?

– Они не могут быть уверены. Может быть, это и правда всего лишь затемнение. И ничего более, – с обнадеживающей интонацией произнес Сэм.

– Андерсон хочет, чтобы я обратилась к хирургу и у меня взяли образец ткани на биопсию. Он посоветовал троих врачей, но до процесса я все равно не успею к ним попасть. Я собираюсь завтра позвонить одному из этих троих и спросить, можно ли будет попасть к нему во время перерыва на ланч. Если нет, придется ждать до конца судебного разбирательства, – с озабоченной миной на лице произнесла Алекс.

– То есть время не ждет?

– Андерсон сказал, что стоит поторопиться, – ответила Алекс.

– Конечно, только без паники. В половине случаев врачи просто защищают самих себя – они не хотят отвечать перед судом, поэтому все представляют в дурном свете, чтобы потом их нельзя было обвинить, что они не предупреждали. А когда тревога оказывается ложной, все счастливы. Только почему-то никто из этих врачей не думает, какое это испытание для

психики. Ради бога, Алекс, ты юрист, ты должна понимать. Не позволяй им испугать себя до полусмерти!

Алекс подняла на него глаза и улыбнулась. Ей стало немного легче и даже неловко, что она так перепугалась. А вот Сэм не испугался. Он убежден, что с Алекс все в порядке. Он не утешает ее и не превращает ситуацию в мелодраму. Напротив, рассуждает рационально и говорит правильные вещи. И внезапно Алекс подумала, что он вполне может быть прав. Даже такой замечательный врач, как Джон Андерсон, мог перестраховаться.

– Как думаешь, что мне теперь делать? – спросила Алекс с надеждой.

– Веди процесс, а к хирургу сходишь, когда будет время. Главное – не волнуйся и не позволяй этим клоунам запугивать тебя. Я готов поставить всю прибыль от моей следующей сделки на то, что затемнение на снимке – всего лишь тень. И ничего больше. Посмотри на себя – ты самая здоровая на свете. И такой останешься, особенно если будешь иногда есть и спать, – с оптимизмом произнес Сэм.

Беседа с мужем подняла Алекс настроение. Ей стало намного легче. Доводы Сэма были разумными, он не беспокоился по пустякам, тревога наверняка ложная. Когда они наконец улеглись и погасили свет, Алекс почувствовала себя гораздо лучше.

Наутро же от ее вчерашнего страха осталось лишь легкое волнение. Проснувшись, она на мгновение вспомнила, что вчера случилось что-то ужасное. Ее мучило нехорошее предчувствие. Но стоило ей окончательно проснуться, как она вспомнила все, что говорил вчера Сэм, и настроение ее снова поднялось. Алекс решила разбудить Аннабель пораньше, и та, сидя за столом, наблюдала, как Алекс готовит завтрак. Перед ней красовался список карнавальных костюмов – накануне Лиз подыскала под ее размер: костюм тыквы, принцессы, балерины и медсестры. Разумеется, Аннабель выбрала принцессу.

– Мамочка, как же я тебя люблю! – воскликнула она, обнимая Алекс за талию.

– И я тебя, – ответила Алекс, одной рукой обняв дочь в ответ, а другой переворачивая на сковороде оладьи. На секунду у нее возникло ощущение праздника, с плеч как будто свалился тяжелый груз. Аннабель счастлива, а Сэм уверен, что тревога по поводу маммограммы ложная. Алекс и сама почти поверила в это. Уходя на работу, она поклялась дочери, что позвонит во время перерыва на ланч.

Страстно поцеловав на прощание Сэма, она поблагодарила его за слова утешения. Сэм махнул рукой:

– Могла мне на работу позвонить, и я бы сказал тебе то же самое по телефону.

– Знаю. Я, наверное, приняла все слишком близко к сердцу. Вот я дурочка, – улыбнулась Алекс.

Впрочем, на ее месте перенервничал бы любой. Она еще раз чмокнула мужа и дочь и помчалась в офис. Брок и все остальные уже ждали ее. Сначала Алекс поговорила с Мэтью Биллингсом. И лишь в четверть двенадцатого вспомнила, что собиралась позвонить хирургу. Быстро набрав номер, она услышала голос медсестры. Алекс объяснила, что хотела бы узнать насчет биопсии. Тут в кабинет за какой-то папкой зашел Брок, заставив ее вздрогнуть; ей хотелось, чтобы он поскорее ушел. Слово прочитав ее мысли, помощник поспешно ретировался. Алекс пожалела, что не заперла дверь. А, впрочем, какая разница – если Сэм был прав, то ничего страшного, что Брок все узнает.

Тем временем к телефону подошел хирург. Судя по голосу, серьезный и не очень-то приветливый. Алекс рассказала про затемнение на маммограмме, объяснила, что ее гинеколог беспокоится и посоветовал ей обратиться к нему.

– Да, мы с ним уже разговаривали, – ответил хирург Питер Герман. – Утром. Вам необходимо сделать биопсию, миссис Паркер. И срочно. Уверен, доктор Андерсон уже об этом говорил.

– Да, – сказала Алекс, пытаясь сохранить то спокойствие, которое ей внушил накануне Сэм, но в разговоре с чужим человеком это было сложно. Она чувствовала, что боится доктора и вообще всего, что было связано с его специальностью. – Но завтра мне нужно быть в суде – я адвокат и должна вести процесс. Так что я смогу попасть к вам не раньше чем через неделю или десять дней.

– Не самое дальновидное решение, – отрезал Герман, отрицая все доводы Сэма. Или, может, наоборот, подтверждая? Может быть, он просто перестраховывается, подумала Алекс, и поэтому настаивает, что нужно сделать все как можно раньше. – Приходите-ка лучше сегодня, мы быстро со всем разберемся и, если понадобится, назначим биопсию на следующей неделе. Ну как, устраивает это вас?

– Сегодня я вряд ли смогу, – нерешительно произнесла Алекс. – Суд назначен на завтра.

Она вспомнила, что уже говорила это. Отчаяние и страх снова волной накатили на нее.

– Жду вас сегодня в два часа дня, – сказал хирург, и Алекс поняла, что спорить с ним она не в состоянии. Она молча кивнула, а потом, вспомнив, что разговаривает по телефону, сказала, что придет. К счастью, кабинет Германа находился неподалеку от ее конторы. – Не хотите захватить с собой подругу?

Этот вопрос застал Алекс врасплох.

– Зачем? – Неужели процедура настолько болезненная? Или он думает, что она будет не в состоянии после нее добраться до дома самостоятельно? Зачем брать подругу на прием к врачу?

– Многим женщинам трудно в одиночку справиться со сложными ситуациями и воспринять большой объем информации, – сухо произнес хирург.

– Вы что, серьезно? – спросила Алекс, не веря своим ушам. Она бы расхохоталась, если бы не была так удивлена. – Я профессиональный юрист. Трудные ситуации мне встречаются на каждом шагу, а что касается информации, то в день я обрабатываю объем больший, чем вы за целый год.

– Только вот речь обычно идет не о вашем здоровье. Даже врачи, у которых обнаруживаются злокачественные образования, не всегда могут справиться с подобным известием, – объяснил Герман.

– Но мы же не уверены, что у меня злокачественное новообразование, ведь так? – с надеждой сказала Алекс.

– Вы совершенно правы, мы не знаем. Что ж, тогда до встречи, – произнес хирург на прощание.

Алекс захотелось отказаться, но она знала, что не стоит.

– До встречи, – ответила она и швырнула трубку на рычаг. Отчасти разыграли гормоны, отчасти то, что Алекс испугалась доктора Германа и того вердикта, который он вынесет. Немного успокоившись, она позвонила одной из своих помощниц и дала ей необычное задание – навести справки о каждом из трех врачей, которых порекомендовал ей Андерсон.

– Я хочу знать о них все: мнения пациентов и что о них думают остальные врачи. Я не знаю, куда именно вы будете звонить – в Онкологический центр «Sloan Kettering», Нью-Йоркский пресвитерианский госпиталь, медицинские школы, в которых они преподают, но я хочу, чтобы вы узнали информацию из всех источников. И ни в коем случае не говорите никому, что это я попросила. Поняли?

– Да, миссис Паркер, – послушно ответила помощница. Она была самой работающей подчиненной, так что Алекс могла быть уверена, девушка соберет всю необходимую ей информацию.

Прошло два часа. Алекс уже собиралась уходить, когда помощница сообщила ей все, что узнала о Питере Германе. По ее сведениям, он настоящий профессионал своего дела, хотя с пациентами обходится не слишком вежливо. Она позвонила в одну из самых престижных

клиник, где ей сообщили, что доктор Герман консервативен, но при этом считается одним из лучших хирургов города. Что касается двух других врачей, информации о них меньше – как выяснилось, они, немногим уступая Герману в профессионализме, с пациентами были еще более строги. К тому же они кичились тем, что пользуются среди коллег авторитетом.

– Может, он и не воплощенное очарование, но, по крайней мере, специалист хороший, – подытожила Алекс. Она поблагодарила помощницу и велела ей собрать еще больше сведений о двух других врачах.

Пока Алекс ехала в такси, она гадала, что же скажет хирург о затемнении на ее маммограмме. Теперь у нее было две версии – оптимистичная (высказанная Сэмом) и пессимистичная, предложенная доктором Андерсоном. В состоятельность версии Сэма верить хотелось больше.

Но Герман, к сожалению, оптимизма Сэма не разделил. Взглянув на снимки, он тут же сказал, что затемнение – скорее всего, опухоль, и то, как глубоко она расположена, а также ее форма свидетельствуют о том, что она злокачественная. Разумеется, до того как станут известны результаты биопсии, говорить о чем-либо с уверенностью нельзя, но опыт доктора Германа подсказывает, что это опухоль, и опухоль опасная. Теперь все зависит от стадии заболевания, степени поражения тканей, а еще от того, является ли опухоль гормон-рецептор-позитивной или негативной и успела ли она дать метастазы. Речь хирурга звучала сухо, и ситуация, которую он описывал, пугала.

– И что же теперь будет? – в ужасе спросила Алекс.

– Не могу сказать, пока у нас нет всех данных. В лучшем случае вам предстоит лампэктомия⁹. Но может понадобится и более серьезное хирургическое вмешательство – умеренно-радикальная мастэктомия¹⁰. Это единственный способ полностью избавиться от этого заболевания; конечно, многое зависит от стадии развития опухоли и степени поражения тканей, – пояснил Герман. Он показал ей таблицу, где были приведены какие-то непонятные показатели. Алекс ровным счетом ничего не поняла.

– А мастэктомия – это единственный способ избавиться от болезни? – как-то отстраненно спросила Алекс, понимая, что задает глупейший вопрос. Она была в полном смятении и чувствовала себя конченной идиоткой. Перед хирургом сидела не искушенный юрист, а слабая, несчастная женщина.

– Не обязательно, – ответил доктор Герман, – возможно, понадобится еще облучение или химиотерапия. Это зависит от различных факторов и степени распространения.

Облучение и химиотерапия? И *плюс к этому* еще и умеренно-радикальная мастэктомия? А может быть, легче сразу сделать эвтаназию? Не то чтобы Алекс прямо жизни себе не представляла без груди, но позволить врачам изуродовать свое тело, а потом еще терпеть отвратительные последствия облучения и химиотерапии! Алекс ощутила, как при одной мысли об этом к ее горлу подкатывает тошнота. Что теперь стало со всеми оптимистичными прогнозами ее мужа, со всеми этими его заявлениями – вот, мол, врачи перестраховываются? Она даже вспомнить не могла, что именно Сэм сказал.

– Каков наш дальнейший план действий?

⁹ Лампэктомия – наиболее часто применяемая форма органосохраняющей хирургии рака молочной железы. При этом удаляется лишь часть молочной железы, в которой расположена опухоль, и небольшой объем нормальной ткани. После лампэктомии удаленная ткань обычно подвергается гистологическому исследованию на наличие раковых клеток в краях удаленного участка железы.

¹⁰ Мастэктомия (от др. – греч. *Mastos* – грудь и *ektome* – удаляю) – хирургическая операция по удалению молочной железы. Сущность операции: удаление молочной железы, жировой клетчатки, в которой содержатся лимфатические узлы (вероятные места метастазирования), и, в зависимости от варианта мастэктомии, удаление малой и/или большой грудной мышц.

– Для начала возьмем у вас образец ткани на биопсию. Желательно под общим наркозом, поскольку опухоль находится очень глубоко. А вот насчет дальнейшего лечения решать уже вам.

– Мне?

– Вы должны все как следует обдумать и принять решение. При таком диагнозе вариантов несколько. От меня тут зависит далеко не все.

– Почему же? Вы ведь врач.

– Потому что при любом решении существуют свои риски и неудобства. В конечном счете это ваш организм и ваша жизнь, поэтому окончательное решение за вами. Но лично я при ранней диагностике, как в данном случае, всегда рекомендую мастэктомию. Это самый разумный и надежный путь. А через несколько месяцев при желании вы сможете сделать пластическую операцию, и тогда внешне грудь будет выглядеть как настоящая.

Он говорил, будто речь шла не о восстановлении груди, а о мелком ремонте автомобиля. Алекс еще пока не знала, что слова Германа о мастэктомии как самом надежном способе лечения рака груди свидетельствуют о консервативности его воззрений.

– Биопсию и мастэктомию можно сделать в один день?

– Обычно их делают отдельно. Но если вы хотите, можно сделать их одновременно. Вы явно очень занятой человек, так что можете сэкономить время. Конечно, если вы мне доверяете. После, когда будет ясен диагноз, мы определимся с лечением.

Алекс тут же вспомнила слова Сэма о страхе каждого врача перед судебным преследованием. А потом она вспомнила еще кое о чем и вскрикнула:

– А если в ближайшие несколько недель выяснится, что я беременна?

– А это возможно? – удивленно спросил Герман, и Алекс невольно оскорбилась. Неужели, по его мнению, она настолько старая, что в ее теле могут быть только опухоли?

– Я принимала «Серофен» – мы с мужем пытались зачать ребенка.

– Тогда вам придется сделать аборт и продолжать лечение. Нельзя на целых девять месяцев забыть о злокачественной опухоли. Для вашей семьи, миссис Паркер, вы имеете куда большее значение, чем еще один ребенок.

Герман произнес это сухо и хладнокровно, словно отсекая скальпелем ненужный кусок плоти. Алекс все еще не верила своим ушам.

– Я предлагаю взять образец на биопсию на следующей неделе, – продолжал врач, – но перед этим настоятельно прошу зайти ко мне, чтобы обсудить варианты лечения.

– Их ведь не то чтобы много, или я что-то не поняла? – спросила Алекс.

– Боюсь, вы правы, по крайней мере, в этом. Прежде всего нужно определить стадию. А потом уже будем принимать решение. Но я хочу, чтобы вы знали – в большинстве случаев на ранней стадии я предлагаю мастэктомию. Прежде всего нужно сохранить жизнь, миссис Паркер, а не грудь. Нужно расставлять приоритеты правильно. И если у вас злокачественное образование так глубоко в груди, то безопаснее будет ее удалить. Потом может быть слишком поздно. Может быть, я веду себя консервативно, но это проверенный метод. Некоторые из более новых, нетрадиционных способов лечения могут иметь катастрофические последствия. Мастэктомия на ранней стадии достаточно надежна и безопасна. Если же потребуется, примерно через четыре недели вы пройдете усиленный курс химиотерапии. Все это, наверное, звучит страшно, но, поверьте мне, только так через шесть-семь месяцев вы сможете полностью избавиться от болезни. И, скорее всего, навсегда. Разумеется, сейчас об этом говорить еще рано. Сначала нужно дождаться результатов биопсии.

– А смогу ли я после этого, – Алекс замялась, было трудно произнести это, но молчать она не могла, – забеременеть?

Доктор медлил с ответом. Такой вопрос ему задавали часто. Правда, в основном он слышал его от более молодых женщин. В сорок два большинство пациенток больше интересовало бы спасение собственной жизни.

– Это возможно. Уровень стерильности после химиотерапии составляет примерно пятьдесят процентов. Но это тот риск, на который стоит пойти. Без химиотерапии последствия могут быть непредсказуемыми.

Непредсказуемыми? Что это значит? Уж не хочет ли он сказать, что, если Алекс откажется от химиотерапии, она умрет?

– На работе у вас будет время все обдумать, – тем временем продолжал Герман. – И пожалуйста, как можно скорее приходите ко мне снова. Я постараюсь назначить прием на удобное для вас время. Доктор Андерсон сказал, что вы человек очень занятой.

При этих словах он практически улыбнулся, и Алекс подумала, что, возможно, именно так он проявил ту самую свою «человечность», о которой говорил Андерсон. Если да, то можно с уверенностью сказать, что в этом человеке данное качество проявлялось куда слабее, чем хладнокровие и прагматизм медицинского работника.

Но хотя Алекс и перепугалась до смерти от того, насколько сухо и отстраненно доктор Герман рассказывал ей о предстоящих процедурах, о его безупречной репутации она уже знала. Так что раз уж у нее – предположительно – злокачественная опухоль, то именно такой великолепный хирург как раз и требуется. А настроение ей и Сэм сможет поднять.

– Больше нет вопросов? – Эта фраза Питера Германа очень удивила Алекс. Но она лишь отрицательно покачала головой. То, что сегодня выяснилось на приеме у доктора Германа, было еще хуже, чем вчерашние новости, и теперь Алекс чувствовала себя совершенно не в своей тарелке. Она уже представила себя без левой груди, а потом попыталась понять, каково это – проходить курс усиленной химиотерапии. Наверное, после этого у нее выпадут волосы? Алекс не смогла заставить себя спросить об этом хирурга. Но она знала нескольких женщин, которым после химиотерапии пришлось носить парики или чересчур короткие стрижки. Алекс точно знала – от химиотерапии лысеют. Однако перечень ужасных последствий лечения выглядел зловеще и без этого.

Алекс вышла из кабинета врача шокированной. Вернувшись в свой офис, она поймала себя на мысли, что даже не помнит, как Герман выглядел. Она провела в его обществе почти час, однако лицо его испарилось из памяти – как и все то, что он говорил, кроме слов «опухоль», «злокачественный», «мастэктомия» и «химиотерапия». Все остальное слилось в одну сплошную какофонию.

– У тебя все в порядке? – спросил Брок. Он заглянул к Алекс сразу же, как только она пришла, и заметил, что она выглядит еще хуже, чем вчера. Это его здорово обеспокоило. – Ты, часом, не болеешь?

Но ведь Алекс уже больна – по крайней мере, по словам врачей. Это казалось ей невероятным. Она чувствовала себя превосходно, у нее ничего не болело, никаких недомоганий, а доктор Герман считает, что у нее, возможно, рак. Рак. Она никак не могла заставить себя в это поверить.

И Сэм тоже не смог. Вернувшись вечером домой, она пересказала мужу то, что сказал Герман, но Сэм снова отверг мнение хирурга – с тем же спокойствием и легкостью, что и вчера:

– Я тебе говорю, они просто защищают себя от обвинений в профнепригодности.

– А вдруг нет? Вдруг они правы? Этот, как ты говоришь, парень – самый известный хирург в своей сфере, зачем же ему пудрить мне мозги только для того, чтобы защитить собственную шкуру? – взорвалась Алекс.

– Да, может, твой доктор Герман свой дом уже десять раз закладывал, и ему нужно отрезать как можно больше сисек, чтобы расплатиться с долгами. Откуда я знаю? Ты же к

хирургу пришла, глупо ждать, что он пропишет аспирин. Естественно, хирург скажет, что нужно отрезать грудь. Напугает до полусмерти, чтобы себя выгородить, если у тебя действительно там что-нибудь окажется, – но это полный абсурд.

– Хочешь сказать, он мне врет? И сделает операцию, даже если у меня нет никакого рака?

Рак. Это слово они теперь произносили так же, как «салфетка», «микроволновая печь» или «кровь из носа». Жуткое слово вошло в повседневную речь, но Алекс все равно содрогалась каждый раз, когда его слышала, особенно из собственных уст:

– Ты считаешь, он просто шарлатан?

Теперь она не знала, что и думать, позиция Сэма начала ее раздражать. Но тот как ни в чем не бывало сказал:

– Может, и нет. Наверное, он неплохой врач – иначе бы Андерсон тебе его не порекомендовал, – но нельзя доверять каждому, особенно каждому врачу.

– Про юристов все тоже обычно так говорят, – мрачно усмехнулась Алекс.

– Не переживай, милая. Ничего там у тебя нет. Он сделает надрез на твоей груди, обнаружит там остатки молока, зашьет обратно и скажет, чтобы ты про это забыла. Не волнуйся раньше времени.

Сэм настолько легко воспринял известие об опухоли, что Алекс еще больше занервничала.

– Но что, если доктор прав? Он ведь сказал, что новообразования такого типа, особенно расположенные так глубоко, чаще всего являются злокачественными. А вдруг это правда?

Алекс попыталась заставить Сэма понять всю серьезность ситуации, но он упорно игнорировал все ее попытки.

– Да нет у тебя никакого злокачественного новообразования, – упрямо произнес он. – Поверь мне.

Он напрочь отказывался слышать ее. У Алекс возникло впечатление, что с помощью своего оптимизма и юмора он просто скрывается от реальности. Из-за необоснованной убежденности мужа, что с ней все хорошо, Алекс оказалась наедине со своим страхом. Ей так хотелось поверить Сэму, но здравый смысл не позволял. Своим упрямством Сэм добился лишь одного – заставил Алекс засомневаться в компетентности и доктора Андерсона, и доктора Германа. Причем засомневаться настолько сильно, что на второй день процесса она не выдержала и во время перерыва позвонила другому хирургу, рекомендованному доктором Андерсоном.

Женщина по имени Фредерика Уоллерстром оказалась моложе остальных хирургов из списка, однако, судя по всему, она пользовалась не меньшим авторитетом и, по отзывам коллег, была не менее консервативна, чем доктор Герман. Фредерика назначила прием на следующий день, в полвосьмого утра. Когда Алекс увидела ее, ей вдруг захотелось, чтобы доктор Уоллерстром избавила ее от всех проблем. Было бы так здорово, если бы она ласковым голосом сказала Алекс, что все страхи напрасны, что опухоль доброкачественная и что никакие из тех ужасов, о которых Алекс слышала, к ней отношения не имеют. Но Уоллерстром держалась нарочито холодно и ни слова не сказала, пока не обследовала Алекс и не взглянула на снимки. Когда она наконец заговорила, то казалась совершенно бесстрашной. Ее лицо не выражало никаких эмоций.

– Должна сказать, что доктор Герман абсолютно прав. На этой стадии обследования точно ничего сказать нельзя. Но я придерживаюсь мнения, что опухоль злокачественная, – произнесла Уоллерстром. Выражений она не выбирала и, казалось, совершенно не думала, какое впечатление ее слова производят на Алекс. Слушая эту женщину с короткими седыми волосами и сильными, похожими на мужские, руками, Алекс ощутила, что ее ладони вспотели, а колени предательски задрожали.

– Конечно, и я, и доктор Герман можем ошибаться, но, поверьте мне, хороший врач сразу чувствует, если опухоль злокачественная, – безэмоциональным голосом произнесла Уоллерстром.

– А если она злокачественная, что вы мне порекомендуете? – спросила Алекс, напоминая самой себе, что в данном случае клиент – это она сама и она оценивает сидящую напротив нее женщину в белом халате, – окончательный выбор по-прежнему остается за Алекс. Но она все равно чувствовала себя маленькой девочкой, беспомощной и неспособной контролировать ситуацию, в то время как доктор Уоллерстром смотрела сквозь нее.

– Разумеется, существует масса приверженцев лампэктомии, предлагающих делать ее практически во всех случаях, но я лично считаю, что риск, связанный с этим методом, слишком велик – так можно упустить момент. Мастэктомия, особенно в сочетании с химиотерапией, – вот самый надежный способ навсегда избавиться от болезни. Да, я консервативна. Я сторонница мастэктомии. Конечно, вы можете выбрать и другие методы лечения – лампэктомию или облучение, например, но вы ведь женщина занятая и поймете, что такое решение неприемлемо: у вас просто не будет времени на длительное лечение, и впоследствии вы пожалеете, что не избрали более радикальное вмешательство. Если вы сейчас предпочтете сохранить грудь, потом это может оказаться роковой ошибкой. Разумеется, вас никто не заставляет выбирать мастэктомию, тут решение зависит только от вас. Но лично я полностью солидарна с доктором Германом.

Уоллерстром не только согласилась с Германом, но ей, казалось, нечего добавить. Ни одного доброго слова она не сказала, в ее голосе не было ни капли сочувствия, никакой женской солидарности. Слова звучали еще более безжалостно, чем вердикт доктора Германа. Перед встречей Алекс думала, что они найдут общий язык хотя бы потому, что Уоллерстром тоже женщина, но она настолько ей не понравилась, что Алекс еле дождалась окончания визита и, выйдя на улицу, с облегчением вдохнула свежий октябрьский воздух. Алекс показалось, что от всего услышанного она вот-вот задохнется.

Она приехала в суд к четверти девятого, поразившись про себя, как мало времени Уоллерстром понадобилось на столь серьезный случай. Или он был серьезным исключительно для самой Алекс? Похоже, всем остальным казалось, что все элементарно. Нет груди – нет проблем. Когда ты врач, а не пациент, все очень легко, тебя интересует лишь то, верна ли твоя теория и какова статистика подобных случаев. А для Алекс операция могла изменить всю ее жизнь, внешность, ее будущее, наконец. И принять подобное решение нелегко.

Узнав независимое мнение второго врача, Алекс еще больше уверилась, что с ней происходит что-то страшное и что вариантов выбора не так уж много. В глубине души Алекс надеялась, что доктор Уоллерстром хотя бы частично развеет ее опасения – скажет, что она себя просто накрутила и все эти разговоры об опухоли не имеют под собой никакой почвы. Вместо этого врач подкрепила испытываемый Алекс ужас, заставила ее почувствовать себя еще более испуганной и одинокой. Нужно взять образец на биопсию, проанализировать состояние опухоли и принять окончательное решение. Разумеется, остается шанс, что опухоль доброкачественная, но после всего, что ей сказали в последние несколько дней, это казалось все менее и менее вероятным.

Даже добродушный отказ Сэма поверить в худшее казался теперь абсурдным. Его упорное нежелание обсуждать возможные варианты, плотный график работы на процессе и гормональные препараты, которые по-прежнему влияли на ее настроение, привели к тому, что в течение недели Алекс с трудом удерживала себя в нормальном душевном и эмоциональном состоянии. У нее появилось ощущение, будто она идет против течения.

Единственное, что помогало ей сохранять самообладание, – сильная поддержка Брока на работе. И когда суд полностью освободил Джека Шульца от всех обязательств перед истцом, это показалось чудом. Судьи отказали истцу во всех требованиях, и Джек рассыпался

перед Алекс в благодарностях. Процесс занял всего шесть дней – рассмотрение дела закончилось в среду, к четверем дня. Эта победа стала единственным приятным событием в жизни Алекс за последнее время.

Алекс в изнеможении опустилась на стул. Она чувствовала себя выжатой словно лимон, но вид у нее был довольный. Она сразу же поблагодарила Брока за его помощь. Она никому не говорила, но сама прекрасно понимала, что без помощи Брока ее работа по делу вряд ли принесла бы плоды.

– Что бы я без тебя делала? – с искренней благодарностью сказала она. Последние десять дней дались Алекс совсем нелегко.

– Не стоит, ты блестяще со всем справилась сама, – с восхищением ответил Брок. – Наблюдать за тем, как ты выступаешь в суде, – одно удовольствие. Тонкое искусство – все равно что балет или сложнейшая хирургическая операция: ты проделала ювелирную работу.

– Спасибо, – откликнулась Алекс. Брок помог ей собрать документы в папки. Его реплика напомнила ей, что нужно позвонить доктору Герману. Ее пугала новая встреча с ним, а до биопсии оставалось всего пять дней. Визит к доктору Уоллерстром только подтвердил предположения Германа. Сэм же вообще наотрез отказался обсуждать с ней эту тему – нечего, мол, переживать по пустякам. Алекс очень надеялась, что он прав, но, похоже, так оптимистично был настроен лишь он один.

Даже мысль о только что выигранном процессе не подняла ей настроение. Джек Шульц подарил ей бутылку самого лучшего шампанского, но праздновать не хотелось. Алекс трепетала от одной мысли, что в понедельник ей снова нужно встретиться с Германом.

На этот раз Герман прямоком заявил, что если опухоль таких размеров, расположенная так глубоко окажется злокачественной, то у Алекс нет никаких альтернатив, кроме как умеренно радикальная мастэктомия и усиленный курс химиотерапии. «Вы должны свыкнуться с этой мыслью», – произнес он. А затем объяснил, что есть два варианта дальнейших действий. Либо у нее возьмут образец ткани на биопсию – под общим наркозом, разумеется, – а затем они с Германом согласуют, как поступить дальше. Либо Алекс подпишет специальный документ, дающий хирургу право после биопсии действовать так, как он сочтет нужным. При таком раскладе все процедуры могли быть выполнены одновременно. Но для этого Алекс должна полностью довериться доктору. Обычно удаление опухоли производится отдельно от биопсии, но доктор Герман был убежден, что в этом случае их можно совместить, и мысленно она с ним согласилась. Как сказал хирург, главное – чтобы Алекс не была беременна. В любом случае проводить ли биопсию и непосредственно операцию сразу или по отдельности, решать ей самой, как и выбирать между лампэктомией и мастэктомией.

По мере того как Герман углублялся в подробности операций, Алекс все больше убеждалась, что ни к чему растягивать мучения и проще разобраться со всем этим кошмаром за один раз. В итоге она согласилась предоставить хирургу право решать самому. Это решение, однако, далось ей с невероятным трудом. Мысленно Алекс была за лампэктомию, позволявшую сохранить грудь. Но она понимала, слишком мало шансов, что при этой процедуре они полностью победят болезнь, и поэтому она выбрала мастэктомию. Также она дала согласие и на химиотерапию, если возникнет необходимость, хотя, сказал врач, говорить об этом пока рано.

Но больше всего Алекс мучила мысль, что она может оказаться беременной. Как отказаться от своего, пусть еще и не рожденного, ребенка? Доктор Герман объяснил, что в первом триместре беременности врачи предпочитают делать мастэктомию, потому что это позволяет избежать облучения. Однако придется все же пройти химиотерапию в первом и втором триместрах, а значит, плод погибнет. Только в третьем триместре врачи готовы будут подождать и начать лечение после рождения ребенка.

Герман честно признался – шансов, что опухоль доброкачественная, почти нет. Он не раз видел новообразования подобного типа. Можно лишь надеяться, что она еще не проникла слишком глубоко в ткани и не дала метастазов: в таком случае хирургическое вмешательство будет минимальным. А еще он очень надеялся, что заболевание находится в начальной стадии. При этих словах комната перед глазами Алекс поплыла, и лишь силой воли она заставила себя вслушаться в то, что говорит доктор, и осознать все это. Ей захотелось, чтобы рядом оказался Сэм, но он так активно отрицал наличие у Алекс проблем, что ей даже в голову не пришло попросить его прийти на прием вместе с ней.

– А как быть с вашей возможной беременностью? – спросил доктор Герман, когда она уже собиралась уходить. – Есть вероятность, что вы беременны?

Этот фактор мог повлиять на некоторые их действия.

– Сейчас я не могу этого знать, – печально ответила Алекс. Точно она это узнает не раньше выходных.

– Не хотите перед биопсией получить психологическую консультацию? – спросил доктор, снова демонстрируя свою «человечность». И то, что он хотя бы просто пытался проявить какое-то участие, дорогого стоило. – Если вы решите сделать обе операции в один день, в случае если опухоль окажется злокачественной, имеет смысл встретиться с психотерапевтом или другими женщинами, которые через это прошли. Обычно мы рекомендуем группы психологической помощи, но чаще всего к их услугам женщины прибегают после операции. Это очень эффективно.

Алекс посмотрела на него и сокрушенно покачала головой:

– На это у меня нет времени. Тем более если придется несколько недель провести в больнице.

Алекс необходимо сдать дела, и она уже попросила Мэтта Биллингса ее подменить, а значительную часть работы передала Брокку, зная, что он не подведет. Но ни тому, ни другому она не сказала, зачем ей нужно так надолго отлучиться, а лишь сообщила, что собирается пройти курс лечения, который может продолжаться от двух дней до двух недель. Оба коллеги с радостью согласились помочь ей. Брок сказал: «Надеюсь, ничего серьезного?», а Мэтью вообще не понял, зачем Алекс нужно к врачу, подумав, что наверняка она собиралась подправить форму носа или разрез глаз. Его жена около года назад сделала себе пластику. Мэтью не думал, что Алекс в таких вещах нуждается; впрочем, он всегда был убежден, что все женщины помешаны на своей внешности. Алекс выглядела совершенно здоровой, и он даже предположить не мог, что с ней происходит.

– Как вы считаете, когда я смогу вернуться к работе? – в открытую спросила Алекс врача.

– Скорее всего, через две или три недели – все зависит от того, как вы перенесете операцию. И потом, неизвестно, как ваш организм отреагирует на химиотерапию, которую мы начнем примерно через четыре недели после операции. Некоторые женщины справляются с этим легко, у других же возникают проблемы.

Доктор Герман уже все за нее решил – у Алекс рак, и ей надо отрезать грудь, а потом провести химиотерапию. Может, Сэм прав, и все хирурги – просто доктора, которым нужно сделать как можно больше операций, чтобы заплатить за аренду? Но Алекс не могла в это поверить. Из всего того, что говорил Герман, выходило, что проблемы у нее и правда серьезные.

Хирург хотел, чтобы в выходные Алекс сдала кровь на анализ и сделала рентген груди, после чего он объяснил ей, почему переливание собственной крови через такой короткий промежуток времени невозможно. Однако он утешил ее, сообщив, что даже при радикальной мастэктомии переливание крови требуется крайне редко, и, если будет нужно, он организует сдачу донорской крови. Больше они ничего не обсуждали. Алекс пообещала, что в выходные,

как только она поймет, беременна или нет, сразу же позвонит Герману. Хирург отпустил ее, и Алекс вышла из кабинета на подкашивающихся ногах.

Вернувшись в офис, она провела там остаток дня. Домой Алекс приехала к ужину, и лишь одна Кармен заметила, какой притихшей и замкнутой стала ее хозяйка. Алекс не стала рассказывать Сэму о своем визите к доктору Герману, пока они не легли спать. Когда она наконец заговорила, Сэм уже засыпал. Закончив свою тираду, Алекс обнаружила, что муж спит без задних ног.

В пятницу к полудню она разобрала свой рабочий стол. Брок пришел забрать некоторые бумаги и пожелать удачи на следующей неделе.

– Надеюсь, все пройдет так, как тебе нужно, какую бы ты там процедуру ни делала.

Брок догадывался, в чем дело, – в одном из ее телефонных разговоров он случайно услышал слово «биопсия», которое заставило его содрогнуться. Но он все равно надеялся, что ничего серьезного с Алекс не произойдет и она скоро вернется на работу.

Поспешно попрощавшись со своим помощником, Алекс дала последние инструкции Лиз. Та пообещала передавать начальнице все приходящие сообщения, а если Алекс не вернется через несколько дней, прислать ей работу на дом.

– Берегите себя, – тихо сказала Лиз. Она крепко обняла Алекс, и той пришлось отвернуться, чтобы Лиз не заметила ее слез.

– И вы берегите себя, Лиз. До скорой встречи, – ответила Алекс, пытаясь казаться уверенной. Но всю дорогу в такси, пока ехала в садик к Аннабель, прорыдала навзрыд. Была пятница, сегодня Алекс, как всегда, должна отвести дочурку в балетный класс.

Вначале Алекс и Аннабель зашли в ресторан «Serendipity», а затем отправились напрямиком к мисс Тилли. Девочка пришла в восторг – ее мама снова рядом, а не «с важным судьей». Доедая мороженое с горячим сиропом, Аннабель не терпящим возражений тоном заявила, что ей совершенно не нравится, когда мама пропадает на своих процессах.

– Я постараюсь почаще проводить время с тобой, – ответила Алекс.

Она еще не сказала дочери, что в понедельник уедет в больницу. Но в субботу она попыталась обсудить с Сэмом, что ей лучше сказать. Алекс считала, лучше всего представить все так, как будто она едет в командировку, потому что слова «больница» девочка испугается.

– Не говори ей вообще ничего, – раздраженно сказал Сэм, – ты вернешься домой в тот же день.

Ситуация его явно раздражала и даже сердила.

– Не знаю, – тихо ответила Алекс. Она расстроилась, муж отказывается смотреть правде в глаза. Он избрал самый легкий путь – путь отрицания. – Если они сделают операцию, я буду лежать в больнице, по крайней мере, неделю.

Она пыталась заставить себя, да и Сэма, смириться с тем, что случилось, но тот, похоже, даже слушать ничего не хотел.

– Слушай, прекрати уже, а? Ты начинаешь меня сердить. Тебе что, сочувствие нужно?

Алекс никогда не видела Сэма в такой ярости – он вел себя так, словно его задели за живое. Она вдруг поняла, что его раздражение, по-видимому, вызвано воспоминаниями о матери. Из-за чего бы Сэм ни был взбешен, Алекс это заставило нервничать еще больше.

– Да, ты прав, – рассердилась она в первый раз за последнее время. – Мне и правда нужна твоя поддержка. Этот твой упрямый отказ верить в то, что происходит, отнюдь не облегчает мне жизнь. Неужели тебе не приходило в голову, что я могу нуждаться в твоей помощи? Мне очень трудно. Через два дня я могу потерять грудь, а ты уперся рогом и твердишь, что со мной все хорошо.

Глаза Алекс наполнились слезами.

– С тобой все хорошо, – хрипло ответил Сэм и отвернулся, чтобы скрыть свои собственные слезы.

Больше они на эту тему не говорили, и в воскресенье Алекс поняла, что Сэм не изменил своей позиции и не собирается все это с ней обсуждать. То, что происходило с женой, его пугало, так как слишком сильно напоминало о матери. В результате Алекс осталась наедине с проблемой. У нее, конечно же, были хорошие знакомые, даже парочка довольно близких подруг, но она редко виделась с ними – если не считать тех, с кем работала вместе. Раньше у нее совершенно не оставалось времени на друзей. Ее лучшим другом был Сэм, а теперь оказалось, что он не может ни принять то, что с ней происходит, ни помочь ей. Звонить кому-нибудь еще ей казалось глупым. «Привет, это Алекс Паркер, мне завтра сделают биопсию груди, ты не хочешь поприсутствовать?.. На самом деле мне могут сделать и операцию, если опухоль окажется злокачественной, но Сэм говорит, что все это, чтобы врач мог купить себе «Мерседес». Связаться с друзьями ей было трудно – труднее, чем признать, что Сэм ее подвел. Но это было так. Вечером она объяснила Аннабель, что уезжает по делам на несколько дней. Девочка расстроилась, но сказала, что все понимает. Алекс пообещала ей звонить и сказала, о ней будет заботиться Сэм. Аннабель крепко ее обняла и сказала, что будет очень скучать, из-за чего расставание стало еще более мучительным.

– А к пятнице ты вернешься? Чтобы мы вместе пошли в балетный класс мисс Тилли? – спросила девочка, глядя на маму огромными зелеными глазами. Алекс тщетно пыталась восстановить самообладание.

– Постараюсь, родная, я тебе обещаю, – хриплым голосом произнесла она, прижимая к себе дочь и умоляя Бога, чтобы ничего ужасного не случилось. Пусть страшный диагноз окажется ошибкой. – А ты обещаешь быть хорошей девочкой и не огорчать папочку и Кармен? Я буду по тебе очень скучать.

Гораздо больше, чем думала, мысленно добавила она, задыхаясь от слез. Но и биопсия, и то, что за ней могло последовать, должны спасти ей жизнь. Она хотела быть с Аннабель как можно дольше. Всегда.

– А почему ты уезжаешь, мама? – грустно спросила Аннабель. Казалось, она почувствовала, что Алекс чего-то недоговаривает.

– Потому что мне нужно. Для работы. – Заявление Алекс позвучало неубедительно даже для самой Алекс.

– Ты слишком много работаешь, – мягко сказала Аннабель. – Когда я вырасту, я буду заботиться о тебе, мама. Я обещаю.

Мысль, что завтра утром она уйдет от своей дочурки в неизвестность, ранила Алекс в самое сердце, и она еще долго крепко обнимала свою малышку. Затем она выключила свет в комнате и отправилась готовить ужин для них с Сэмом.

Она очень нервничала. И могла думать только о том, что ей предстоит. А Сэм в течение всего ужина демонстративно обходил эту тему. Закончив есть, он отправился изучать какие-то отчеты, а Алекс еще раз зашла в спальню Аннабель. Ей хотелось немного полежать рядом со спящей дочерью, почувствовать на щеке ее кудряшки и сладкое дыхание. Стоя в дверном проеме, Алекс подумала, что ее девочка похожа на маленького ангела.

Она вошла в свою собственную спальню с молитвой на устах, моля Всевышнего, чтобы завтра произошло чудо. Ей хотелось только одного – жить, даже если ради этого придется пожертвовать грудью. Сэм спал перед экраном телевизора. У него тоже была тяжелая неделя – к ним приезжали с деловым визитом инвесторы из Саудовской Аравии. Но он мог сказать жене хоть одно теплое слово по поводу того, что ей предстоит утром. Алекс почувствовала, что обижена на Сэма. Целый час Алекс пролежала в кровати, не решаясь заговорить с мужем. Сэм наконец зашевелился, он снял джинсы и джемпер и лег рядом с ней.

– Сэм? – ласково позвала Алекс. Ей хотелось, чтобы он проснулся, чтобы поговорил с ней, обнял, даже занялся с ней любовью, но муж был где-то далеко, как будто за сотни километров от нее. Ее проблемы его совершенно не интересовали.

– М-м-м? – протянул Сэм.

– Спишь? – спросила она, хотя было ясно, что он спит. Алекс хотела разбудить мужа, но растолкать его не получилось. – Я тебя люблю, – прошептала она, зная, что он ее не слышит. Он не слышал ничего, он был в своем собственном мире – слишком далеко, чтобы помочь своей жене или хотя бы признать, что с ней происходит что-то страшное. Сэм просто боялся, что ему придется снова иметь со всем этим дело, и Алекс знала об этом. Такой одинокой, как сейчас, она себя не чувствовала никогда. В каком-то смысле муж бросил ее на произвол судьбы.

Перед сном Алекс заглянула в ванную. Бог не услышал ее молитвы. Попытка зачать ребенка оказалась безуспешной. Даже несмотря на то, что она пила гормоны, у нее началась очередная менструация. Теперь впереди ее ждала лишь биопсия и, возможно, операция. О ребенке можно забыть навсегда.

Глава 5

На следующий день Алекс проснулась в шесть утра и какое-то время бесцельно бродила по дому. Она приготовила завтрак и кофе для Сэма и пошла проведать Аннабель, которая еще мирно спала. Сэм тоже спал, и Алекс было странно смотреть на них, ведь она знала, что через полчаса уйдет на несколько часов или несколько дней. Алекс предстояла битва, которую она могла проиграть. Стоя в дверях детской, она поймала себя на мысли, что происходящее просто не укладывается в голове. Как же она расстанется со своей маленькой девочкой? Что с ними будет? Только сейчас до нее начало доходить, что ее ждет дальше.

Завтракать Алекс не стала, хотя ей ужасно хотелось кофе. Когда она чистила зубы, то внезапно почувствовала, что к глазам подступили слезы. Больше всего на свете ей сейчас хотелось убежать, спрятаться, но от собственного тела, которое ее безжалостно предало, скрыться невозможно. Так она и стояла несколько минут, глядя в зеркало, и слезы, которые у нее уже не было сил сдерживать, бежали по щекам. Поставив щетку в стаканчик, она спустила бретельки своей шелковой ночной рубашки, и сорочка беззвучно упала на пол, обнажив небольшую упругую грудь, которую раньше Алекс принимала как данность. Левая грудь была немного больше правой. Алекс вспомнила с улыбкой, что, когда кормила Аннабель, дочь всегда предпочитала именно левую. Ей нравилось смотреть на свое изящное и пропорциональное тело – осиную талию и длинные ноги. Алекс никогда не прикладывала особых усилий, чтобы поддерживать себя в форме, ее фигура всегда была идеальной сама по себе. Но что же с ней станет теперь? Неужели через несколько часов ей удалят грудь? Наверное, она больше никогда уже не будет выглядеть так хорошо? А что, если ее тело будет так изуродовано, что она перестанет быть желанной для мужа? Ей хотелось поговорить об этом с Сэмом, хотелось, чтобы он сказал, что ему совершенно не важно, какая у нее грудь. Она нуждалась в утешении, но Сэм ей сопереживать не собирался, наоборот, постоянно твердил, что она преувеличивает масштаб происходящего.

Снова взглянув в зеркало, Алекс разрыдалась. Конечно, отказаться от левой груди, чтобы выжить, – это меньшее из зол, но Алекс все равно никак не могла свыкнуться с мыслью, что ее тело изуродуют. Она не хотела становиться похожей на мужчину, не хотела обращаться к помощи пластических хирургов. Алекс не хотела, чтобы в ее жизни произошло что-то подобное.

– Доброе утро, – сонным голосом произнес Сэм, открывая дверь душевой кабинки. Алекс не заметила, как он вошел, а Сэм, похоже, не увидел, что она плачет. Она неловко отвернулась от него, словно уже стеснялась своего тела, и завернулась в полотенце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.